Всесожжение

Автор:
Цезарий Збешховский

Всесожжение

Цезарий Збешховский

Звезды научной фантастикиРамма

Это мир, который пережил Апокалипсис – год Зеро – и даже этого не заметил. Это мир, в котором можно обмениваться мыслями, чувствами и воспоминаниями, как файлами. Это мир, в котором идет война с Саранчой – мутировавшими людьми, чьих целей никто не знает, а с территориями, захваченными ее войсками, потеряна связь. Это мир, в котором искусственные интеллекты и модифицированные солдаты превратили сражения в вид искусства; мир, в котором душа – не метафора, а вполне реальное явление. Францишек Элиас, наследник корпорации «Элиас Электроникс», вместе со своей семьей укрывается от войны в огромном семейном поместье, в Высоком замке, еще не подозревая, что скоро станет свидетелем невероятных ужасов, связанных с самой сущностью этой реальности. А на орбите планеты снова появляется «Heart of Darkness», межпространственный корабль, который когда-то сгинул в глубинах космоса. Теперь, попав в пространственно-временную петлю, он сам превратился в непроницаемую загадку, возвращаясь уже в шестой раз. Корабль не выходит на связь, не передает никаких сигналов, неизвестно, что или кто находится на его борту. Понятно лишь одно: перед исчезновением он обнаружил нечто невообразимое даже по сравнению с целью своей миссии – найти Высший Разум.

Цезарий Збешховский

Всесожжение

Cezary Zbierzchowski

HOLOCAUST F

INNEGO NIE BEDZIE, MIEJSCE NA DRODZE, MONETA, LIMFY SZKLANKA, BEZLUDZIE

Публикуется с разрешения автора, издательства Powergraph и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского: Ирина Шевченко

Copyright © 2004–2013 by Cezary Zbierzchowski Copyright © 2013 by Powergraph

© Ирина Шевченко, перевод, 2019

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019

© Владимир Аренев, предисловие, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

От составителя

Книга, которую вы держите в руках, необычна – даже по меркам современной польской фантастики, в которой незаурядных текстов хватает. Во «Всесожжение» входят заглавный роман и цикл рассказов, причём написаны они в разных конвенциях: есть здесь и теологическая фантастика, и мистика, и ужасы, и социальная НФ. Но что интереснее всего – и рассказы, и роман посвящены единому вымышленному миру, очень похожему на наш. Сам автор

называет его «миром Раммы» – город этот, в топониме которого слышны отголоски земного Рима, является ключевым для большинства историй Збешховского. При этом нельзя сказать, чтобы все они были связаны сюжетно; скорее мир Раммы для автора – удобный способ исследовать вселенную (вымышленную, а опосредованным образом – и нашу родную).

Это вполне традиционный для польской фантастики modus operandi: здесь редко дебютируют романом, много чаще – рассказами, для которых, к счастью, хватает площадок. Что важнее – эти площадки, от старейшего журнала «Nowa Fantastyka» до многочисленных тематических антологий, не остаются незамеченными: наиболее яркие публикации читают, обсуждают, они становятся событием. И, как следствие, первый роман или сольный сборник молодого автора ждут.

Цезарий Збешховский дебютировал рассказом «Другого не будет» в журнале «Ubik» (2004), и, пожалуй, это было знаковым явлением по многим причинам. Журнал, разумеется, был назван в честь романа Ф. К. Дика, которого в Польше очень любят и который является одним из любимых авторов Збешховского. Сам же рассказ написан в жанре теологической фантастики; он оказался первым в череде историй о мире Раммы и уже в нём прозвучали темы, которые Збешховский продолжит исследовать в других своих текстах.

Писал он их не сказать, чтобы очень часто: сочинительство для Цезария скорее возможность высказаться на важные для него вопросы, причём форма для него важна не менее содержания. Поэтому от раза к разу меняются жанры, поэтому же между дебютным сборником «Реквием для кукол» (2008) и первым романом «Всесожжение» (2013) прошло столько лет. (Добавим, что второй роман, «Distortion», Цезарий дописал в начале 2019 года).

Рассказы и повести постепенно знакомили читателей (и самого автора?) с миром Раммы, причём одни выглядели как вполне завершённые и самостоятельные истории, другие же – скорее как фрагменты чего-то большего. Этим большим и стало упомянутое выше «Всесожжение» (в оригинале – «Holocaust F»). Вопреки тому, что роман отнюдь не заигрывает с читателем – скорее требует от него повышенного внимания и определённой эрудиции, – книга в Польше была номинирована практически на все мало-мальски значимые жанровые премии и получила три из них: награду «SFinks», премию старейшего польского журнала фантастики «Nowa Fantastyka» и премию имени Ежи Жулавского. Иными словами, роман оценили и простые читатели, и профессиональные

литературоведы.

Это и неудивительно: даже в нынешней Польше, при всём жанровом разнообразии, твёрдая НФ встречается не так уж часто. Збешховский же работает в традиции даже не Лема, а скорее Яцека Дукая, и среди авторов, его вдохновляющих, неизменно называет Питера Уоттса, Чарльза Стросса, Йена Макдональда… «Всесожжение» демонстрирует все признаки современной твёрдой НФ: не только внимание к новейшим научным открытиям, но и умение связать их в единую непротиворечивую картину мира, а также – перекинуть от неё мостки к другим знаковым текстам, жанровым и мейнстримовским. Внимательный читатель обнаружит во «Всесожжении» и других текстах цикла отсылки к Станиславу Лему, Филипу Дику, даже Стивену Кингу. Что важно: отсылки эти не формальные, они вставлены не только ради подмигивания читателю. Збешховский актуализирует мир будущего, заостряет в нём проблемы, знакомые и нам: торговля людьми, беженцы, коррумпированные власти… Мир этот так же неоднороден, изменчив, опасен и привлекателен.

Разумеется, «Всесожжение» каждый волен читать так, как ему хочется. Для кого-то это будет очередная развлекательная книга в экзотических декорациях, для кого-то – попытка поговорить о вещах крайне важных и непростых. Так или иначе, наше издание даёт несколько возможностей познакомиться с миром Раммы – и об этом стоит сказать особо. Вы можете начать с рассказов, следуя путём, которым открывал вселенную Збешховского польский читатель. Вы не сразу осознаете масштаб происходящего, но мягче и легче сможете воспринять всю необходимую информацию – и будете готовы к собственно «Всесожжению». А можно начать с романа – здесь порог вхождения в текст выше и сложнее, некоторые упоминаемые вскользь нюансы останутся непонятными, зато вы сразу увидите всю картину целиком.

Добавим, что не существует единственно верного способа начать чтение этой книги – и выбор за вами. Надеемся лишь, что это путешествие вас не разочарует.

Приятного чтения!

Владимир Аренев

Всесожжение

Все началось 14 марта 1980 года

Эта книга для тебя

I. В пути

1. Францишек Элиас III

Я ушёл в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от неё научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил. Я не хотел жить подделками вместо жизни – она слишком драгоценна для этого; не хотел я и самоотречения, если в нем не будет крайней необходимости.

Большинство людей, как мне кажется, странным образом колеблются в своём мнении о жизни, не зная, считать ли её даром дьявола или бога, и несколько поспешно заключают, что главная наша цель на земле состоит в том, чтобы «славить бога и радоваться ему вечно». А между тем мы живём жалкой, муравьиной жизнью, хотя миф и утверждает, будто мы давно уж превращены в людей, подобно пигмеям, мы сражаемся с цаплями, совершаем ошибку за ошибкой, кладём заплату на заплату и даже высшую добродетель проявляем по поводу необязательных и легко устранимых несчастий. Мы растрачиваем нашу жизнь на мелочи[1 - Цитата из Г. Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» в переводе З. Александрова. Все дальнейшие ссылки на Г. Д. Торо означают ссылки на это произведение в указанном переводе.].

Луиза хватает меня за плечо.

Заряд внезапного страха пробегает через мое напряжённое тело. Так происходит всегда, когда я мыслями в записях и кто-то касается меня без предупреждения. Нервная гипервозбудимость; сейчас я начну корчить идиотские мины, неконтролируемые поросячьи гримасы.

Как же я ненавижу это дерьмо.

– Можешь глянуть на внутренний экран? – спрашивает она взволнованно. – Парень уже пять минут ждёт соединения.

– Я же сказал, Лу, что сейчас ни с кем не разговариваю.

– Но это касается нашего дельтаплана. Шеф охраны «Элиас Электроникс» хочет, чтобы мы немедленно приземлились: на контрольной башне упал последний сервер. Они уже выслали машины.

– Тогда садимся. Дай распоряжение Давиду.

– Позвонить твоему отцу?

– Да, и не морочьте мне голову.

Мы живём жалкой, муравьиной жизнью – чушь собачья! – подобно пигмеям, мы сражаемся с цаплями – не могу установить связь с SII-5L, – совершаем ошибку за ошибкой, кладём заплату на заплату и – вот же твою мать! – растрачиваем нашу жизнь на мелочи, – я высморкался на собственные мемуары, на самой середине – жизнь – это такое сокровище.

Я копаюсь с этой связью, и наконец мне удаётся её установить. Команды конфигурации таинственнее, чем текст, который считывается из долговременной памяти. Торо, в принципе, неплохой, он действительно замечательный гость, но не сейчас, не тут, сейчас он выводит меня из себя. Это должны быть мемуары, а не S-отрыжка мозга, и без подобных просветов задача может оказаться невыполнимой, а ведь я хочу создать летопись времён, в которых нам пришлось жить.

Раздражает меня много вещей, например, злоупотребление матерными словами в записях, но у меня нет выбора. Когда я был ребёнком, врачи спорили, чем выступает у меня копролалия – симптомом психической болезни или неврологического отклонения. Дошло до того, что у меня постоянно кружилась голова, появился нервный тик, трудность с концентрацией и слишком экспрессивная мимика лица, и они предположили, что вероятнее всего, это синдром Туретта, и дело с концом.

А я потом пять раз менял тело (раз синтетическое, четыре раза от стёртых), но так и не смог избавиться от этого паршивого недуга.

Сраного недуга.

– Скорее смешного, – говорит Луиза, выскакивая из дельтаплана. Мы только что приземлились на бетонной площадке и бежим к темно-синему «бентли» (китайско-немецкому шестиместному «Фантом Таун Кар»).

– Смешного? А помнишь, как на первом свидании я плевался на пол, как кретин?

– Помню. И что с того? Ты ведь эксцентричный миллиардер.

Ага.

Мы усаживаемся на белое сиденье машины и укладываем детей спать. Никакой я, черт возьми, не эксцентричный миллиардер (не из-за этого ругаюсь). Думаю, что это компульсия, то же самое, что и бессмысленное блуждание по дому, когда я остаюсь один. Во всяком случае, это дерьмо не сидит в спинном мозге или в периферической нервной системе, только в моей голове, и никто не может его оттуда достать. Мне нужно перегрузиться в другую колыбель, но сейчас это ненадёжно и слишком рискованно, не окупятся такие финты перед концом света. Таким уже и останусь – пережил же одарённый сомнительным очарованием жулика более ста двадцати лет. Могу прожить ещё несколько, а старая добрая Лорелей безусловно мне в этом поможет.

Въезжаем на окружную. Я сейчас сообразил, что стал колыбельщиком почти сто лет назад. До того момента я умирал несколько раз – по собственному желанию или случайно, – и всегда мне как-то удавалось вернуться. Знаю, что хоть и существуют другие миры, но не существует «того света». Когда кто-то начинает

приводить аргументы в пользу жизни после смерти, у меня появляется желание задушить его голыми руками. Пусть сам убедится (хотя убедиться не сможет, если он не один из нас). Примитивный человек ничего не увидит, а я не слышал, чтобы колыбельщик нес подобный бред. Вот один из феноменов нашей жизни.

– Но ты и так её любишь, правда? – допытывалась Лу.

– Не хорошо подглядывать, – щипаю её за бедро.

Луиза имеет доступ к онлайн-просмотру всего, включая личный буфер обмена: я разрешил ей это в приступе слабости. Мы сидим на сервере SII-5L, принадлежащем VoidWorks[2 - «ВойдВоркс», в переводе с англ. «Работа с пустотой», дочерняя компания «ЭЭ».], и защищённом, как сокровищница Центрального Банка; никто посторонний не зайдёт на него. После удаления всех коммерческих и семейных секретов, после основательного редактирования текста, когда из моих воспоминаний не останется уже ничего, может, я решусь их опубликовать. Только было бы тогда кому это читать.

С детьми и Луизой мы едем в Замок. Мы покинули Рамму около восьми часов вечера, через полчаса после того, как отец получил наводку от Блюмфельда о приближающейся угрозе. Вернее, о двух угрозах: о возвращающемся в шестой раз «H.O.D.»[3 - «Heart of Darkness› – название космического корабля, в переводе с англ: «Сердце тьмы».] и новой атаке Саранчи, которую армия может не сдержать. Слишком много вампиров кружит по окрестностям, слишком много стерва. Для меня смерть не в новинку, Луиза вообще не умрёт, но я боюсь за детей. Они не заслужили того, чтобы попасть в руки заражённых спамеров Синергии. Те могут атаковать даже людей без слотов только для того, чтобы просто уничтожить жизнь.

ИИ, руководящие отделами Death Angel[4 - Ангел смерти (пер. с англ.).], бросили на борьбу все силы, но Саранча инфицирует каждый день столько всего, что наши суперкомпьютеры с таким же успехом могли бы вязать спицами шарфики. Эффект был бы сходным. Что-то случилось в Генеральном штабе – неясно что конкретно. Очевидно часть военных снова перешла на сторону партизан. Раньше мы летели травмолётом (ненавижу грёбаные дельтапланы и антиполя), но рухнула Система контроля полётов и мы пересели в лимузин. Три бронированных автомобиля двинулись по автостраде к Сигарду. Чёрная машина Security Corps[5 - «Секьюрити Корпс» – название охранной компании.] едет перед «бентли», вторая защищает тыл. Парни из Отдела специального назначения

«Элиас Электроникс» с начала войны перевезли столько ценного груза, что и нас довезут в целости и сохранности. Это около четырёхсот пятидесяти километров, рукою подать от Сигарда, нашего родового поместья. Замок возвышается на холме Радец, откуда открывается вид на заповедник и стогектарное ранчо. Территория затянута трёхметровым проволочным ограждением под напряжением, а двор замка укреплён, как военный бункер; его обслуживают около пятисот человек. Добро пожаловать непрошеным гостям.

Теоретически мы могли спрятаться под Раммой, на территории какого-нибудь завода. Там размещаются настоящие армии, которые будут защищать машины (а при случае и свои семьи) до последнего, но Юниор справедливо заметил, что существует опасность взрыва складов, поэтому лучше рискнуть и поехать в Замок. Вскоре у Большой Развилки мы присоединились к конвою с севера, с которым ехали отец с Юниором и правление «ЭЭ». Антон старше меня на три года, а Юниора он унаследовал по отцу. Я попал ещё хуже, я Францишек Элиас III (после деда и прадеда, создателей «Элиас Электроникс»). Третий Францишек – досадный недостаток фантазии при выборе имён для потомства. По моему мнению, это вина матери (упокой Отсутствующий Бог её несуществующую душу). Однако имя не самое важное, впрочем, как и тело. Самое важное, что мы происходим от тех самых Элиасов.

Мы – семейная гигакорпорация, с начала войны заработали брутто два миллиарда ECU, или более семи миллиардов вианов. И я с начала поездки вышвырнул из VoidWorks тридцать человек, а глава профсоюза даже не пикнул. У них прописан в контракте запрет на использование прямых каналов Синергии, и они не приняли медицинскую помощь для удаления слотов. В двадцать ноль-ноль истекал срок. Я не мог ждать дольше, пока кто-то подключится и начнёт шуровать на территории завода. Наша консервативная политика, над которой смеялось столько директоров других фирм, наше постановление исключить из команды людей с аидами (раскритикованное омбудсменом, пока мы его не заменили), оказались единственно верным решением. Увеличение возможности развития, которое предполагало непосредственное соединение с сетью, никоим образом не сопоставимо с масштабом угроз: с вирусными психозами типа S, промышленным шпионажем, зависимостью от виртуальных креаторов решений, абстинентным аутизмом и так далее. Я убедил отца ввести соответствующие пункты в контракт, а людей, что уже работают, уговорить на операцию или выгнать с выговором в документах. И я горжусь этим. Никто из семейства Элиас или из его ближайшего окружения не имеет права хотя бы коснуться Синергии.

– Я бы не перегибала с чистотой, – лениво замечает Луиза и улыбается. – Быть колыбельщиком ещё экстравагантнее, чем внедрить себе слот. Не говоря уже обо мне.

Лу права. Но я и не говорил, что мы провозглашаем возвращение человека к дикой природе. Степень киборгизации семьи – это одно, а издевательства от грёбаных аидов и хакерских экскрементов, загруженных прямо в мозг, – это другое. Колыбель отрезана от окружения почти идеально, беспроводное соединение с Синет II не приводит к перезаписи её содержания, можно вращаться в сети без каких-либо апгрейдов. Тоже самое и с электронным мозгом Луизы. Возможность нашего инфицирования меньше, чем в случае обычного человека, потому что у нас установлены биозаслоны от паразитов, атакующих нервные клетки.

В семье колыбели семь членов: отец, Антон и Марина (наша сестра), дядя Картер и его вторая жена Клер, их дочь Инка и я. Мы делали дополнительную модификацию некоторых тел (в основном Антон), но это вещь недолговременная. Визуально и на уровне ДНК мы не такие, как раньше, поначалу было трудно это принять, но со временем человек привыкает ко всему. Я еще помню Антона худым блондином с торчащей шевелюрой, сейчас он темнокожий толстый парень с фенотипом ремарца с Юга. Было трудновато привыкнуть к такому виду, но чего не сделаешь для любимого брата, с которым в детстве дрался за каждую машинку. У него были свои причины, чтобы выбрать такую оболочку.

Я посмотрел на Иана и Эмилию. Дети спали на сидении напротив нас. Если удастся задержать конец света, нужно будет как можно быстрее запечатать им мозги, когда только врачи подтвердят прекращение роста (это плюс-минус через пятнадцать лет). Независимость от смерти, по крайней мере частичная, открывает перспективы, даёт больше времени и уверенности, уменьшает влияние фатализма, который разбушевался после года Зеро. Временами у меня складывается впечатление, что хоть тресни, произойдёт то, к чему стремится программа мира. Не хватает того непостоянства, которое встречалось, пока Бог не ушёл. Поэтому на всякий случай лучше иметь под рукой реинкарнатор «ЭЭ». Я знаю, о чём говорю, потому что уже умирал.

Таких как мы, колыбельщиков, на земле немного, около пятнадцати-восемнадцати тысяч. Колыбель стоит несколько миллионов вианов – это как десять солидных домов. Её инсталляция, соответствующее программное

обеспечение и дальнейшее обслуживание – это очередная пара нолей (не говоря уже о стоимости операции в реинкарнаторе). Потому это развлечение для элиты; массы загружают себе в череп китайские синергические модификаторы или японские и американские подделки. Нам колыбель гарантирует спокойный стайерский забег на протяжении десятилетий – им слоты скрашивают спринт феерией красок и иллюзией, что всего можно добиться. Но это только иллюзия. Информационная перегрузка ещё никому не открывала двери в рай.

Колыбельщиков мало, но зато таких девушек, как Луиза, вообще нет; есть только с приближенными параметрами. Создавали мы её несколько лет, используя исследования, которые проводились для нужд военных. Хотя Блюмфельд и вставлял нам палки в колёса, лаборатории VoidWorks, которые десятилетиями производили боевых андроидов, ради меня вспомнили, что начинали мы с самых лучших lovedolls[6 - Секс-кукол (пер. с англ.).] в мире. Я сам спроектировал её лицо, установил параметры фигуры, эмоциональные рефлексы, моторику и темперамент. Мы ввели элемент случайности, чтобы добавить немного перца. Я мог создать девушку из снов, мог сделать из неё эфирную эльфийку или демона, который не расстаётся с кнутом. Я мог установить, как быстро она должна учиться и перещеголяет ли в этом отношении своего создателя.

Я был благородным демиургом и дал ей все наилучшее – рискнул даже экспериментальным симулятором свободы воли.

– Надеюсь, ты меня слышишь, Лу?

– Слышу, Францишек, мой ты идеальный мужчина.

– И, конечно, ты это ценишь.

– Каждый день. Кроме времени, когда заряжаю батарею.

Люблю зловредность Луизы. Без этого я бы ослеп и впал в колыбельный паралич. Она проделывает дырки в моей коробке, остужает мне голову, и, когда надо, даёт пинок под зад.

Францишек Элиас III будет первым в роду, кто возьмет в жёны стопроцентного андроида.

2. Вавилон рулит

Весь этот балаган, возведённый в квадрат Апокалипсиса святого Иоанна, который, по правде говоря, не напоминает даже войну (никакого фронта, только металлические пули и тысячи очагов борьбы, вспыхнувших по всей планете), начинался весьма невинно. Реклама улучшения памяти и сосредоточенности, обучения без усилий, достижения жизненных целей без стресса. Продвижение удовольствия под заказ, ВР-отдых, чудодейственные препараты от усталости и боли. Магические заклинания, которые начинаются с «нейро-» и «нано-», а заканчиваются «синергетическим взаимодействием миллионов сознаний».

Наблюдая за этим, сначала мы не верили, что люди с радостью позволят себя высосать изнутри, словно моллюсков. Но тогда мы ещё не понимали, что на самом деле означает год Зеро, мы и понятия не имели о влиянии плазмата на наше развитие как вида.

Конвой мчится по автостраде, никем не потревоженный. Мы едем под двести в час, опережаем гражданские и военные машины; ребята впереди включили предупредительные огни. Давид пересылает на консоли патрулей, мимо которых мы проезжаем, VIP-информацию. Остальным водителям просто отправляет сообщение «Освободить дорогу», и автоматы послушно съезжают на более медленные полосы. Когда мы покидали Город, какой-то идиот на голубом «шевроле» попытался ехать с нами наперегонки, но получил предупреждение, что мы немедленно прострелим ему шины. И сдался. Я на всякий случай не смотрю в окно, получаю информацию из вторых рук. Не заглядываю в окна машин, мимо которых мы проезжаем, чтобы не увидеть лиц, искривлённых спазмами вируса. На автомобилях всё чаще ездят живые трупы; если бы не автопилоты, у нас была бы тут одна сплошная грёбаная мясорубка.

Посмотрев в глаза этим людям, я увидел бы пелену Вавилона, которая оставляет на лице свой логотип, вездесущую торговую марку – когда-то лошадям и другим домашним животным выжигали на шкуре тавро хозяина. За ухом блестит слот, в голове месиво из синергетического обмена файлами. Исполнилась мечта конструкторов новой сети: P2P для знаний, P2P для воспоминаний, P2P для эмоций. Можешь обмениваться своими мыслями под видом S-файлов, когда тебе только заблагорассудится. Записываешь, конвертируешь, делишься. Можно ли

ещё крепче связать человека с человеком? Может ли существовать ещё бо?льшая интеграция?

Вокруг вертятся мемы: P2P для религиозных откровений, культурных табу, страхов и желаний, благородных порывов и преступлений. Рамманец может быть индейцем с Амазонии, китаец может стать зулусом, Скандинавия приблизилась к Австралии на ширину потока эмиссии. Непосредственный обмен всем.

А мы не верили.

Мы ничего не сделали, когда двадцать лет назад Вавилон, первая платформа S-файлов, только выходила на рынок. Отец нас оправдывает, говорит, что даже если бы мы среагировали и поручили экстренно подготовить юридическую блокаду в Лиге Наций или заказали бы для конструкторов Синергии наёмных убийц, это ничего бы не дало. Ничего не могло измениться, человечество уже потеряло тормоза, покатилось в пропасть собственных желаний, которые не ограничивало ничто, кроме денег. После года Зеро оно освободило свой потенциал; могло идти к звёздам, а пришло к звёздочкам, долбанувшись лбом о твёрдый пол. Десятки лет непрерывного усовершенствования харакири.

Сейчас мы можем обо всём забыть. Три года назад какая-то капля переполнила чашу. Мы не знаем, было ли это следствием неумолимой логики нового мира или за вирусом с самого начала стояли экстремисты, которые пытались из всех нас сделать Избранный Народ, а потом уничтожить нас нашими же святыми руками. То, что сто лет назад СМИ назвали Новым Холокостом, длится до сих пор, причём в раздутой форме и таким блядским образом, что лишь уничтожив все зараженное, еще можно спасти мир. Однако я опасаюсь, что на это не хватит ни денег, ни решительности и что самые большие семьи, мафия и корпорации (похожие друг на друга как две капли воды) не смогут сдержать это безумие. Мы слишком поздно начали чистку, слишком поздно выслали в космос «H.O.D.», чтобы найти другие места для жизни: не отравленные нанотехнологиями и не охваченные демоном сетевого Сообщества.

Я замечаю, что Давид начинает тормозить и перестаю визуализировать мысли; записи бледнеют на сетчатке, уступают место Большой Развилке. С правой стороны, освещенной последними лучами солнца, виднеются разрушенные эстакады автострады A4, которая пересекается здесь с A1. Узел охватывает ещё три регионалки и путаницу дорог местного значения. Чего тут только нет… На

земле и над землёй, а больше всего под ней – супермаркеты, центры релакса и ВР-кино, станции топливных элементов (в том числе заимствованная нами станция сети Сирил), лифты вверх и лифты вниз, ремонтные сервисы и десятки кафе. Всё висит на платформах, тянется вдоль веток дорог, светит неоном в сгущающемся сумраке, приглашает в подземные комплексы, пульсирует и отчаянно кричит, что мир в полном порядке. Но это не так. Вокруг заметны следы боев, которые шли здесь всего неделю назад. Сгоревшие стены, слепые окна, обломки машин разбросаны на обочинах, кажется, обрубки деревьев все ещё дымятся. На дороге темнеют пятна свежезалатанных дыр. Армия и правительство сделали всё, чтобы спасти этот узел. Я знаю от Антона (а он от человека Блюмфельда), что по округе ударили химическими бомбами, которые провоцируют разложение крови у вампиров, попутно положив около двухсот гражданских с катализаторами. Логика войны: не было выбора. Смели с лица Земли большой отряд партизан, а собственные потери включили в цену. Большая Развилка была спасена и окружена полком пехоты Death Angel полковника Шарого.

На парковке для транспортёров, в тылу заправочной станции стоят четыре машины второго конвоя. Два лимузина: «мерседес», удлинённый «майбах Ландаулет+», джип Отдела спецназначения Security Corps (ребята в смарт-шлемах и лёгкой бронеформе) и лимузин охраны, похожий на наш. Давид паркуется возле «майбаха», а сидящий в нём отец опускает затемнённое окно. На меня смотрит девятнадцатилетний веснушчатый засранец – реинкарнация два года назад, довольно консервативный выбор тела. Очень напоминает задорного паренька в форме сигардского колледжа, которого я видел на фото, сделанных полтора века назад. Внутри машины мелькает смуглое лицо Антона. С ними также Юки, шеф юридической конторы «Элиас Электроникс», Хлои, секретарша Антона, и скорее всего Янка, ассистентка и любовница отца. Я её не замечаю, но навряд ли она едет в «мерседесе» с остальными из правления «ЭЭ».

– Как малыши? – спрашивает отец смешным писклявым голоском.

– В порядке, спят от самой Раммы, – я моргаю из-за приступа нервного тика. – Поездка была спокойной, ни артиллерии, ни дельтапланов-смертников. Моя надежда растёт экспоненциально.

– На А4 тоже неплохо было. За два часа ребята только столкнули в кювет какого-то идиота на фургоне, и кто-то обстрелял за нами дорогу из лёгкого оружия. А вот на Юге может быть хуже, нужно смотреть в оба. Брендан, шеф спецназа, с

этого момента принимает на себя командование колонной.

– Лу, дорогая, покажи свою симпатичную мордашку! – вопит из автомобиля Антон. В темноте сияют его белые зубы.

– Это не игрушки, черномазый, – мы так мило шутим.

– Недалеко от Сигарда всё ещё идут бои с отрядом Кришны, – отец-подросток говорит на сленге из GTV. – Через полтора часа мы приблизимся к территории, охваченной военными действиями. Не будет никаких остановок, не высовывайтесь из машин. Если кому-то нужно, то делайте свои дела сейчас. Пусть Луиза разбудит детей.

Мы перераспределяем силы. Давид и охрана конвоя бегут к туалетам, Луиза вытаскивает близнецов, чтобы пописали за машиной. Они молодцы, заспанная Эмиля только немного похныкивает, держа в руках красного мишку. Иан сам стягивает штанишки и, зевая, рассказывает мне об игре, которую видел на инфоре «Кортасар». Сейчас мы дадим им попить, накормим из тюбиков и снова уложим спать. Я втягиваю в себя июньский воздух: вечерние остатки жары, запах пожарища и асфальта. Хмыкаю: спецназовцы постоянно сканируют округу, будто уже ждут нападения. Брендан подгоняет всех, хочет, чтобы мы двинулись в путь как можно быстрее. Стартуем.

Движение на автостраде за Большой Развилкой слабеет, мы отъезжаем от Раммы, мчимся на юго-запад. Дети какое-то время балуются, показывают друг другу придорожные голограммы и огни транспортёров, мимо которых мы проносимся, играют моим коммуникатором, болтают с Давидом, который охотно отвечает на сложные вопросы четырёхлеток. Потом я объявляю время сна, гашу свет внутри кабины, Лу и я целуем малышей на ночь. Я придерживаюсь ритуалов, которые помню с детства, хочу защитить мир, которого уже нет, потому что даже люди без аидов создают в Синете виртуальные сообщества и почти полностью перестают касаться друг друга, перестают общаться, показывать примеры взаимодействия своему потомству.

Быть может, именно Вавилон должен был стать панацеей против атомизации и равнодушия общества, может, намерения его создателей были благородны и достойны восхищения. Но платформа мутировала (нам неизвестно, самостоятельно ли) и превратилась в инкубатор психических троянов. Все

началось три года назад, в конце февраля.

Вирусы, которые атаковали людей, подключённых к Синергии, вызывали такой спектр повреждений мозга и психозов, что учёные целого мира получили для исследования материал, которого хватит им до конца жизни. У небольшого процента юзеров наступил парадоксальный эффект: в несколько раз вырос интеллект, даже появилось что-то наподобие рудиментарной телепатии, способной считывать электромагнитные волны с других аидов. Предполагается, что именно так появилась Саранча – террористическая организация нового поколения. Её членов называли и преступниками, и коммунистами, и анархистами, и сумасшедшими, но когда стало известно, что они охотно пьют кровь, обогащённую катализаторами, их стали называть вампирами. Военные специалисты отрицают, что это имеет практическое основание, однако вампиры неизменно утверждают, что таким образом улучшаются телепатические способности и они могут влиять на мозг других людей (даже на те, которые не подпитаны нано). Следует признать, что они невероятно легко перенимают контроль над подразделениями войск Лиги и отдельных государств. Nil admirari[7 - Немудрено (пер. с лат.).].

В критический момент к Синергии были подключены около восьми миллиардов людей из двенадцатимиллиардного населения. К счастью, почти половина из них добавила к оригинальной защите ещё и хакерские улучшения, над которыми корпели самые мозговитые и прыщавые головы, а потому спаслась. Чуть больше десяти процентов в момент аварии потеряло подключение к сети, выиграв немного времени. Больше всего ужасало то, что даже после мутации Вавилона люди и далее массово подключались – и подключаются! – к Синергии, веря своей защите и фальшивым обещаниям администраторов. Они настолько зависимы от обмена S-файлами, что даже угроза смерти не сдерживает их от того, чтобы начать сеанс. В Китае на следующий день после аварии начались казни упрямых пользователей. Потом на электрический стул и в газовые камеры пошли жители этнических гетто в США, Франции, ЮАР и России.

И тогда началось безумие, а Саранча впервые ударила сразу по нескольким уголкам Земли.

– Ты пишешь захватывающие вещи, но стоит вздремнуть, – Луиза бесцеремонно трясёт меня, не допуская сопротивления.

Мысли крутятся вокруг ужасного несчастья. Его не видно, когда я смотрю на спокойные мордашки спящих детей, его не слышно, когда из колонок доносится музыка. Я узнаю «Adagio for Strings» Барбера[8 - «Адажио для струнных» – наиболее известное произведение американского композитора Сэмюэля Барбера, впервые исполненное в 1938 году.] и симфоническую версию «The Wall»[9 - Имеется в виду «Стена», альбом группы «Пинк Флойд» 1979 года.]. Я бы никогда не поверил, что конец света на расстоянии вытянутой руки. Мы, пассажиры конвоя, который приближается к Замку, несём ответственность: не за сто тысяч работников корпорации в Рамме и ещё четверть миллиона разбросанных по всему миру, а за всех людей, которые ещё остаются в здравом уме.

С такими мыслями заснуть трудно.

3. Журавлиный танец

Я думал о матери, а может просто задремал, и она мне приснилась – нечёткая, хрупкая фигура, одетая в светлое платье и сандалии. Длинные белые волосы блестели на солнце. Я видел её со спины – явный символ ухода, который, словно иней, осел на дне колыбели; воспоминания детства пережили десятилетия, а могли бы пережить и столетия. Мать ушла по солнечному лучу к тому, кто даже не был человеком. К чужому. К грёбаному Стражу Крови. И ничего не меняет тот факт, что прошло столько времени. По крайней мере, не для меня. Может, Марина и Юниор как-то с этим согласились, а отец каким-то шизоидным образом все рационализировал (ты же знаешь, сын, что горо манипулировали человеческими чувствами: это не её вина). И может, так было даже лучше, так как благодаря этому мы познакомились с Харви, одним из Брошенных в азартной игре плазмата. Но я знаю, что в сто раз больше хотел бы, чтобы она осталась с нами.

Час назад мы съехали с автострады. Конвой остановился на парковке неподалёку от съезда номер сто двадцать. Мы должны вернуться на A1, как только получим подтверждение от штаба Стилица, что партизаны прекратили обстрел пригорода Сигарда. Федеральные войска бомбят их позиции. Далеко, на самой линии горизонта, видны одиночные отблески. Это мороз выжигает мутировавшие отбросы, которые пытаются прорваться в город и захватить

склады армии. Отец ошибся, предсказывая безостановочную поездку до Замка. Сейчас – вопреки распоряжениям спецназовцев – он мельтешит между машинами и раздаёт указания злым голосом через коммуникатор. Посредники ведут последние переговоры о важном контракте с азиатским концерном F.E.O. Отец должен был лично участвовать в их последней встрече, а вместо этого что-то ворчит по сети и нарезает круги на асфальтированной площадке. Уже давно перевалило за полночь, мы застряли здесь надолго.

Оставляем детей под опекой Давида и отправляемся на очередную незапланированную прогулку. Я беру Луизу под руку. Сразу за белым бордюром парковки начинается сосновый лес, недалеко щетинятся высохшие кусты, карликовый можжевельник и другие растения, которые невозможно идентифицировать в свете ламп. Именно оттуда доносится крик охранника с галогенным фонарём.

– Брендан, я нашёл стерво!

Недвижимый ранее кустарник начинает шевелиться, и только слышны отголоски абсурдного диалога (бессмертные разговорчивые кусты). Встревоженные спецназовцы окружают территорию, держа палец на спусковом крючке пистолета. Подстраховывают друг друга. Брендан останавливается возле отца, который говорит с Антоном и Юки о контракте с ускоглазым тигром. Любопытство толкает нас в сторону, откуда донёсся крик, – сейчас увидим вблизи жертву синергетического безумия: типичное дитя Вавилона, которое в недавнем прошлом было нашим ближним; человека, больного Психотическим Синдромом С. Стерво (некоторые называют их «зомби»).

Парень, должно быть, давно сидел в кустах. Мы находим его в характерном для стерво ступоре. Сейчас он ползает на четвереньках, привлечённый светом галогена. На нём рваная белая рубашка, узкий галстук и дырявые костюмные брюки в полоску. На голых стопах я замечаю тёмные полосы грязи, может, крови. Слипшиеся волосы и потное лицо все в песке, а когда кашляет, кажется, что из его лёгких вылетает земля.

Он вертится, словно пёс, под ногами охранников, те нервно смеются. Это лишь вопрос времени, когда он получит первый пинок, потом второй и последующие. Он отскакивает, старается укрываться от ударов – видно, осталась в нём ещё частичка первичных инстинктов. Брендан делает вид, что старается остудить пыл ребят, однако на самом деле забавляется не меньше их.

Приблуда неожиданно выпрямляется. Спецназ сейчас же берёт его на прицел, шлемы координируют стволы пистолетов. Но мужчина ни на кого не бросается, только отклоняется всем телом назад, прижимает локти к бокам и на дрожащих ногах начинает кружить по площадке. Его голова качается то вправо, то влево, мелкими шагами он меряет пустое пространство, чтобы в следующий момент развернуться и продефилировать перед нами в противоположную сторону. Время от времени его охватывает дрожь, и он топорщит невидимые перья, порой из горла доносится пронзительный клёкот. Должно быть, он обменялся S-файлами с виртуальным Журавлём. Брачный танец, он присматривается к окружающим из-под прикрытых век.

– Ты птица? – спрашивает развеселившийся Антон.

Танцор выдаёт нечленораздельный звук. На худой конец его можно принять за подтверждение, но Антону этого недостаточно. Он хватает гостя за кожаную ленту галстука и притягивает к себе. Охранники нервно сжимают оружие, из окна «майбаха» выглядывают раззадоренные лица Хлои и Янки, а из «мерседеса» – Вернер и Маркез, вице-президенты «ЭЭ», а также сопровождающий их Леон Грейвс. В свете ламп белеют их седые виски и равнодушные лица.

– Ты – грёбаный Журавль? – выпытывает Юниор.

– Balearica regulorum, – с уст безумца слетает удивительно чёткий шёпот.

– Восточный венценосный серый журавль, птица из семейства журавлиных, – говорит Луиза, гладя чёрный «ёжик» на голове. Красиво спроектированный жест задумчивости. – Судя по анализу мозговых волн парень был орнитологом и отождествился с объектом исследований.

– Оставим его в покое, похоже, он неопасный, – предлагает Сэм, один из охранников.

– Мы не можем быть уверены в том, что он оказался здесь случайно, – отзывается Юки. – Нужно проверить все каналы.

Луиза кладёт хрупкую ладонь на горячечный лоб стерва. Она делает плавное движение, как будто благословляет его знаком креста. Едва заметные искры проскакивают между кожей и её большим пальцем.

– Нет следов передачи, – говорит она спустя время, – но он фиксирует всё, что видит, на аиде для будущего воспроизведения или обмена. Мне стереть его?

Июньская ночь тиха и несмела, не хочет сама ответить на этот вопрос.

– Мне стереть его? – повторяет Луиза.

Я киваю. Не впервой мне отдавать смертные приговоры.

Она касается ладонью за ухом мужчины, где когда-то расцвёл синергетический слот. Трёт его пальцем так долго, что на кончике показывается контакт S-стандарта, приготовленный специально для таких случаев. Потом оба стоят неподвижно, и тело парня охватывает лёгкая дрожь. У меня есть доступ через SII к визуализации процесса, который пересылает мне Лу. В центре внутреннего экрана движется голубая полоска; неумолимо растёт под мигающей командой «Очистка средств памяти». Девушка безжалостна, она разрушает кратко- и долгосрочные записи, системные файлы, программу доступа к платформе и данные сетевой навигации. Поочерёдно мигают картинки и фрагменты фильмов, символизирующие вырванные из мозга ресурсы. Когда полоска доходит до конца, тело падает на землю без чувств, лишь поблёскивают белки глаз.

Мужчина стёрт, его мозг теперь только путаница белка и бесполезных нанотрубок. По-видимому, это ненужная смерть, однако мы не можем рисковать. Никто не знал, что мы остановимся именно здесь, но осторожность Юки не единожды спасала наши шкуры – нельзя стопроцентно исключить, что это неслучайно. Думать, что нам удастся идеально спрятаться как минимум легкомысленно; за всем и вся следят неутомимые шпионские программы, как в реале, так и в ВР. Потому нужно заявить о своей силе настолько мощно, чтобы потенциальному нападающему расхотелось переходить к дальнейшим действиям.

Сидящий в первой машине медик проверит, в хорошем ли физическом состоянии наш Журавль и можно ли рассчитывать на него в процессе преселекции запасных тел. Черепная коробка будет очищена перед имплементацией

колыбели. Если тело успешно пройдёт дальнейшие тесты, дыру, оставшуюся после слота, залатают, а стерво послужит в будущем кому-нибудь из колыбельщиков. У тебя блестящее будущее, Журавль.

А началось, наверное, всё, как всегда: с увлечения обучающими программами, с мемов, которые передавались по круглосуточным рекламным каналам, с уверений личных тренеров, что только синергетическое сотрудничество даст возможность полного персонального развития. Они говорили о гонке за знаниями, о самосовершенствовании, о неограниченных возможностях запоминания. Соблазнительная вещь: все примеры на расстоянии вытянутой руки, целые энциклопедии и кодексы, совмещённые с мозгом поисковики данных – только брать, брать и брать. А потом ещё более прекрасные возможности: делиться с другими людьми – не только выводами и наблюдениями, но и самими размышлениями, записанными в виде S-файлов. Как можно было этому не поддаться, если не хватает тормозов свободной воли, которые даёт плазмат? Примитивный человек, окружённый такими разогнавшимися ровесниками, был вынужден войти в систему по максимуму либо же отказаться от приличных заработков и дружеских сетевых связей.

Однажды, возвращаясь с долгой лекции в университете, которую можно было бы загрузить в аид одним кликом, ты принял решение. Оно далось тебе легко, тогда ведь всё было «почти-легальным» и казалось «в-меру-безопасным». Может, ты ещё советовался со знакомыми, а может, ты просто сделал начальный осмотр и для поощрения получил первую бесплатную дозу нано – бирюзовая или светло-зелёная капсулка, которую надо проглотить, запивая небольшим количеством жидкости. Ещё укол с нейронными катализаторами, чтобы аид прижился, и всё – ты становился почти богом, мир открывался перед тобой (просто ты ещё не знал, что это задница дьявола). Ты ощутил себя кем-то лучшим, Журавль.

Пришлось тебе взять кредит на следующие капсулки, но это мелочь, ведь ты же инвестировал в себя. Потом оказалось, что монополисты катализаторов и синергетического программного обеспечения тоже дерут в три шкуры, но чего не сделаешь, чтобы быть в топе? За правым ухом смарт-частички выгрызли тебе симпатичный слот, и ты мог уже свободно подключаться к другим юзерам, и вот только тогда ты пережил настоящий оргазм P2P. И ты подумал (интересно, была ли это ещё твоя мысль?), что стоило однако пережить все те ужасные головные боли, много дней пролежать в сорокапятиградусной горячке, заплатить десятки тысяч вианов, так как вот в пространстве ты плывёшь сухого океана, ныряя в зелени и расцветая от счастья[10 - Автор делает неявную отсылку на стих Адама

Мицкевича «Аккерманские степи».]. Ты никогда не переживал такого виртуального возбуждения как тогда. До этих пор одинокий и слабый, ты вцепился в других, как клещ, впился зубами в невидимые узлы Синергии. Вкалывал на работе только ради денег на быстрое соединение, твоя жизнь в реале стала лишь дополнением к Сообществу. Ты бы отказался от неё, если бы только мог.

Возможно, ты бы сказал, что колыбельщикам легко умничать, потому что они естественным путём получают вещи, о которых ты можешь только мечтать. Быть может, в какой-то степени ты даже прав, но не будем забывать о тонкой разнице: у нас другие приоритеты и цели. Мы не хотим слиться воедино с человеческой массой, мы сохраняем индивидуальность даже ценой одиночества, даже ценой вашей ненависти (да любой ценой, которая только может прийти вам в голову). Мы можем себе это позволить и пользуемся своими возможностями, чтобы сохранить частичку человека в человеке. Даже если я сукин сын, то я человеческий сукин сын, а не бесформенная толпа, не стерво, не вампир и не восточный венценосный журавль. Даже если во мне не останется ни одной клетки первичного тела, кроме мозга, запертого в колыбели. Потому у меня есть право приговорить тебя к смерти одним щелчком пальцев, Журавль, и я могу с этим жить.

Я наблюдаю, как стёртое тело загружают в багажник автомобиля. Там находится гроб для поддержки жизни в найденных зомби – мы предусмотрительные, жаль терять появившиеся возможности. Откуда-то из глубины накатывает поток ругательств, однако я задерживаю его в горле, не позволяю выплеснуться наружу (да грузите же вы быстрее, суки!). Это мистер Туретт и его дочь копролалия измеряют состояние моего напряжения, обнажая лицемерие аргументации и сдирая маску, наложенную на обстоятельства конца света. Мне противно от себя и противно от мира, я не могу преодолеть это тошнотворное чувство. Но даже будучи лицемером, я остаюсь человеком.

Словно головная боль, возвращается ко мне эта утешительная мысль:
я ущербный, а значит я человек.

4. Рассказ Радужного Ворона

Мы смотрим на звёзды – безоблачная ночь и программное обеспечение колыбели позволяют увидеть и назвать много созвездий. Пегас, Андромеда, Лебедь, Цефей, Гончие Псы, Щит, Змея. Лу точнее и быстрее, чем я, она знает название каждой мерцающей искорки на небосводе. Когда я был ребёнком, то сам мог находить только Большую Медведицу.

Мы лежим на сформированном из масы пледе на краю парковки. Из леса доносятся ночные крики и шелесты, сухие ветки опадают над нашими головами. Меня преследует мысль, что всё вокруг сейчас распадётся на пиксели.

– Три дня назад на Вересковых пустошах я встретила Радужного Ворона, – говорит Луиза. – У него были цветные перья, как у попугая, голова, припорошенная сединой, и бельмо на глазах.

– Как ты узнала, что это ворон?

– Возможно, у него было достаточно черт идеального вида?

– Да ладно, не злись, – улыбаюсь я ей. – Я просто задумался, зачем кому-то понадобился фантом ворона с радужными перьями.

– Он привлёк моё внимание феерией красок и вместе с тем какой-то простотой. В этой оранжерее аморфных видов, напоминающих одновременно не то рыб, не то моток проволоки, не то разбитое стекло или плесень, он будто бы пришёл из другой сказки. Я думаю, это какая-то из старых ИИ, вытесненная к первобытным формам.

– Бинарная пенсия.

– У него были очень престижные координаты: –15, 0, 4. За такое место на Вересковых пустошах платят по несколько десятков тысяч за месяц. Возле Источника, на первой плоскости, на внешней стороне срединного куба. Богатый человек или программа-основатель среды. Ворон пригласил меня в свою точку и рассказал историю о старом скульпторе – он каждому рассказывает историю, предназначенную только для него. Я хочу, чтобы ты об этом знал.

Луиза скорее визуализирует с помощью SII-5L, нежели использует голос. Она проецирует перформанс о судьбе мужчины, работами которого восхищались люди во всём цивилизованном мире, а его статуи из благородного кальцитового алебастра украшали костёлы, площади и могилы богачей. Говорили, что он обладал божественным даром вдыхать жизнь в мёртвый камень, заключать красоту в форму, которая переживёт века. В воображении Лу пожелтевшие страницы книги синхронно накладываются на фильм. Декоративные буквицы и пахнущие нафталином слова – позолота фальшивого белого ворона переплетается с рассказом Радужного ворона.

«Однажды весной, в честь годовщины коронации, король заказал мастеру-скульптору статую Дочери Небес. Идеальные пропорции, идеальная форма тела, нежно переданные жесты, чувственное и одновременно ангельское лицо. Люди должны влюбляться в неё с первого взгляда. Статуя должна символизировать нескончаемую доброту короля и его власть над человеческими мыслями. Все люди искусства, а потом – когда глашатаи раструбили эту весть на четыре стороны света – также властелины и жители многих стран напряжённо ожидали, удастся ли старому скульптору создать творение всей своей жизни и удовлетворить покровителя. И во дворцах, и за прилавками спорили о том, какую из прекрасных смертных выберет мастер в качестве модели, кто удостоится такой чести. Скульптор очень долго искал подходящий материал, отбрасывал камень за камнем, ни один не был достаточно идеальным. Даже среди черни начали ходить легенды…»

Скука, от которой застывает кровь в жилах. Я не могу выдержать растянутого темпа классического рассказа. Мозг, привыкший к другой интенсивности импульсов, не может сконцентрироваться на деталях повествования, нить прерывается от раза к разу, как будто после хорошей дозы Лорелей. Ко мне возвращается эхо вчерашнего разговора с отцом и Антоном, которые хотели обсудить стратегию поведения в условиях скачущих курсов валют и подкашивающей инфляции. Спрашивали моё мнение. Хоть изъятие денег с рынка не очень меня привлекает, я предпочёл дать им свободу действий. Мне достаточно осознания того, что мы влияем на решение Центрального Банка, а в резервах – остатки залежей нефти и огромные площади земли (в том числе под автострадами), которые мы приняли от правительства за долги. Отец убеждал, что мы должны взять большой кредит в RCB на развитие медицинских институтов «Элиас Электроникс» и на несколько месяцев заморозить процентные ставки. Он рассчитывал, какой выигрыш принесёт падение курса виана по отношению к ECU, но решил, что мы будем действовать в интересах Раммы. Ставки должны в результате пойти вверх, чтобы иностранные инвесторы

начали покупать ценные бумаги, а с рынка исчез избыток валюты. Очень странно, что в таком бардаке экономика перегрелась и надо её остужать. Чёрт! Прости, Лу, уже возвращаюсь к тебе. Честно, я не хотел уходить так далеко.

«В один день к скульптору пришёл каменщик с Юга. Он предложил продать ему прекрасный блок за десять тысяч золотых монет, и мастер не колебался ни минуты (платил из королевской сокровищницы). Он закрылся в своей мастерской и сказал, что не выйдет из неё, пока не закончит произведение. Ему ежедневно доставляли еду и питьё, одежду и благовония, но он редко пользовался ими. Только пил лимонную воду и неделями ходил в одной и той же пыльной мантии – об этом перешёптывалась между собой королевская служба. Гвардейцы с самого первого дня окружили мрачный дом и не подпускали никого на расстояние двадцати шагов. В окнах развевались тяжёлые чёрные шторы из трёхслойного полотна, а на улицу доносились отголоски молотка скульптора, который ударял в долото.

Бывали дни тишины, когда гвардейцам и собравшимся вокруг зевакам казалось, что мастер забросил своё дело или умер в одиночестве. Тогда он выполнял более точные работы, полировал или подбирал мелкие кусочки камня, а иногда отдыхал, планируя, что делать дальше. Порой он, должно быть, подскакивал с кровати и хватался за инструменты под влиянием внезапного импульса, поскольку в полночь или уже под утро вдруг слышался его молоток – стук-стук, стук-стук – и раздавались проклятья на нескольких языках сразу. Ночная стража любила эти неожиданные взрывы творческих сил – они приносили какое-то разнообразие в службу, расклеивали тяжёлые веки и становились темой казарменных историй. Так проходили недели, всё меньше и меньше любопытных глаз старались высмотреть какое-то движение в мастерской, всё меньше и меньше ушей внимало в тавернах и по дороге с храма. Только король изо дня в день становился всё более нервным и терял остатки надежды. Лето подходило к концу».

Луиза прерывается, чтобы получить сообщение от Вероники. Три года назад, в начале этого хаоса, я ввёл её в управление VoidWorks. Я верил, что купленная за бешеные деньги ИИ, которая самостоятельно выполняет финансовый анализ и принимает быстрые решения, поможет фирме удержаться на плаву. И не ошибся – она оказалась лучшим финансовым директором в истории предприятия, моей правой рукой и советчиком, которому я доверяю. Левой рукой со времён великого слияния стал Оли Сидов, вице-президент по делам производства – киборгизированный парень на вечном омолаживающем лечении. Мы являем

собой этакий сыгранный экзотический терцет[11 - Намёк на одну из самых старших польских музыкальных групп Tercet Egzotyczny, которая играет в латиноамериканском стиле и состоит из двоих мужчин и одной женщины, на что и делается акцент в сравнении.].

Вероника требует, чтобы я принял решение. Она считает, что расторжение договора с «Эмко», поставщиком сырья для мозгов ключевых моделей, переходит границы обычного стиля управления. Она получила достойные доверия сведения (наверное, от другой ИИ), что вампиры уничтожили у них все запасы гелевого сплава и главную линию производства. Это произошло больше недели назад, но они всё скрыли и теперь в срочном порядке ищут кредит на возобновление продукции. Вот-вот начнут опаздывать с реализацией заказов, а чуть позже просто-напросто окажутся на лопатках.

Я прошу её выбрать из трёх оферентов в Готто, которые принимали участие в последних торгах. Она должна руководствоваться результатами продаж за последний год, скоростью доставки и авиапарком концерна. Цена – только в четвёртую очередь, сейчас мы не будем глупо экономить. Она соглашается со мной при условии, что мы включим в сделку японцев с представительством в Славии. Мы нежно прощаемся по специальному каналу 5L.

– Ревную, – Луиза улыбается в темноте. Машины давно стоят замершие без света, только стража кружит вокруг площадки.

– Наша жизнь порезана на мелкие полоски, мы как мобильные шредеры.

– Потому примитивные уже ни за чем не успевают. Я не удивляюсь Журавлю.

– Рассказывай дальше.

«Лето подходило к концу и наконец настал тот день. Обычная дождливая суббота. Скульптор передал королевскому посланцу сообщение о том, что он закончил своё творение. Старик исхудал и осунулся, глаза его горели нездоровым блеском. В столице всё пришло в движение, словно в большой праздник, отовсюду стали съезжаться гости, приглашённые ко двору. Мастер не дал своего согласия, чтобы кто-либо, особенно монарх, увидел статую до публичного открытия. Он сам закутал её в атлас и следил за перевозкой на центральную площадь города, где уже месяц ждал пьедестал, украшенный

золотыми лентами. Могучие плечи возвели на него чёрную мумию. Народ нервно ходил вокруг диковинки, дети указывали на статую грязными пальцами и строили гвардейцам гримасы. Была выставлена усиленная охрана, чтобы ночь прошла спокойно. На следующий день должно было состояться торжественное открытие статуи».

У меня в голове проносится мысль, что в те времена потребовались бы недели, если не месяцы на распространение информации. На земле было немного плазмата, он не так напирал на человеческие мозги, не вызывал ещё этой грязевой лавины, которая несётся стремительным потоком даже после его исчезновения. Сейчас число присваиваемых мемов утраивается с каждым поколением. А в те времена, чтобы кто-нибудь появился на церемонии, гонцы загоняли целое стадо лошадей и сами умирали от истощения. Возможно, где-то потерялась информация, что между днём открытия и последним ударом молотка скульптора прошло несколько недель.

«На рассвете сквозь тучи пробилось солнце. Брусчатка ещё блестела от влаги, а в ямах стояли лужи. После утренней службы на площади стали собираться люди. Богатые и бедные сходились сюда целыми семьями. Вдалеке шумели конные упряжки, поскольку лошадей не подпускали близко к статуе. Над всеми возносилась фигура, закутанная в чёрную ткань. Старый скульптор следил за ней, сидя у подножия пьедестала на обитом атласом позолоченном кресле (миниатюрный трон для звезды представления).

Усиливался шум, нарастали окрики торговцев кренделькамиберёзовым сиропом. Солдатам всё труднее и труднее было сдерживать напор зевак. Наконец на площадь ровным шагом вышли два отряда дворцовой гвардии. Они сформировали в толпе узкий проход, а мостовую накрыли красным толстым ковром. Ровно в двенадцать на площадь заехала королевская карета, и монарх прошёл между приветствующей его толпой. Заиграли трубы, от их рёва с ближайших крыш полетели прочь голуби.

Король говорил дрожащим от волнения голосом. Потом он указал на ведущего церемонии, а тот привёл пожилого скульптора. Старец взял в руку расшитый золотом шнурок, чтобы снять завесу со своего творения. Он посмотрел в небо, по которому ползли пушистые облака, обвёл взглядом собравшихся и поклонился монарху. По знаку ведущего церемонии ударили в барабаны. Краткий рывок, и ткань мягко опала на землю.

Раздался вздох удивления, и на площади воцарилась мёртвая тишина. Даже те, кто стоял слишком далеко, чтобы рассмотреть статую, поняли, что произошло нечто страшное.

Прекрасная женская фигура с босыми ногами, руками, сложенными на груди, одетая в нежное платье, так красиво переданное в камне, что оно казалось прозрачным и открывало мягкую линию плечей, талии и бёдер, эта эфирная, будто летящая женщина из самого красивого весеннего сна, носила изрытое морщинами лицо старого скульптора. Безобразное, усталое и грустное».

– Скульптор знал, чем рискует, он готовился к смерти, однако король не сделал ничего. Он не сказал дурного о статуи, не разозлился. Он в полном молчании вернулся во дворец и приказал выдать скульптору последнюю часть оплаты, а потом поручил уничтожить статую и все произведения скульптора во всём королевстве, так чтобы нигде – ни в одном портале, ни на одной колонне – не остался след его долота. Его фамилию нужно было стереть из хроник, а вельможам запрещалось заказывать у него дальнейшие работы. К старцу, кроме того, приставили секретную охрану, которая должна была обреза?ть верёвки, подвязанные к потолку пустых комнат. Скульптор должен был жить как можно дольше. Художник проявил несказанную наглость, но даже это не оправдывало жестокости короля, – заканчивает Луиза.

– Он имел полное право быть недовольным – товар не соответствовал заказу, – я глажу её по худой руке. – Но не думаю, чтобы тебя беспокоила судьба старца. Ты скорее думала о самой статуе, правда?

– Скажи, сколько себя ты вложил в мой образ? Сколько во мне представлений об идеальной женщине? А сколько во мне от Пат?

Хороший вопрос, Лу, но я не знаю этих нечётких пропорций. Даже я не мерял всего в процентах и битах. Само собой, у меня перед глазами была Пат. Каждый день, когда я садился в тёмной комнате, вводя программой колыбели очередную линию твоего кода в матрицу, я вспоминал разные детали: её улыбки и отдельные слова, характерные жесты (смешной трепет ресниц и театральный взмах руками), самые частые реакции. Всё покрыто патиной времени, добыто усилителями долговременной памяти из большого, столетнего сугроба воспоминаний.

Изначально я боялся, что не выдержу твоего присутствия, если будешь слишком её напоминать. А потом оказалось, что этих воспоминаний слишком мало, что память не может сохранить ничего надолго. Даже эта цифровая суперпамять колыбельщиков коллекционирует только проявления жизни, картинки, лишённые значения, без запаха и звука, бесконтекстные слайды. Оказалось, что я могу передать тебе всё, что запомнил, смешать со своими впечатлениями о Пат – какой она была, а какой могла быть, – и всё ещё остаётся место для генераторов случайности и психологических креаторов. Ты неповторима, и, если честно, я не знаю, кто ты.

Мы все ходим по кругу, запутавшись в творении и автотворении. После года Зеро мы все стали закоренелыми демиургами, не существует силы, которая могла бы нас удержать от безустанной подгонки реальности к нашим представлениям, от творческой лихорадки, направленной главным образом на себя. Мы не знаем точно, что с нами происходит, никто не гарантирует, что мы это Мы. Мы создаём личностные сертификаты, сборники паролей и самого тайного знания, чтобы в критический момент подтвердить свою личность. Но всего этого может не хватить, потому что мы затронули основную (когда-то инстинктивную), онтологическую уверенность в том, что мы существуем и существовали в таком виде. Мы боимся, что во время очередного пересмотра колыбели, рейда через Вересковые пустоши или реинкарнации кто-то подменит часть нашего сознания или это случится по нашему, отменённому позднее приказу. Ведь по сравнению с членами Сообщества мы чисты, как слеза младенца.

Брендан даёт знак, пора выдвигаться в сторону Замка. Между машинами мелькают человеческие тени. Луиза молчит, переваривая мой хаос кислотами собственного порядка, забавно стряхивает плед и вкладывает масу в маленькую коробочку. Этот жест говорит мне обо всем – вернёмся к этому разговору, когда придёт подходящий момент. А если я вложил в её сознание слишком много себя, то не будет никакого разговора, никакого обмена мыслями. Максимум расписанный на голоса внутренний монолог, обмен взглядами, оживлённый и неожиданный, сравни обмену импульсами между правым и левым полушарием одного мозга.

Глядя на неё, я буду всматриваться в зеркало, меняющее пол в нескончаемом количестве отражений.

5. Morozhenoje

Лу проводит наш любимый эксперимент – вытягивает четыре случайные карты из колоды. Она улыбается при этом как заядлый азартный игрок и каждый раз показывает мне результат: дама червей, дама бубён, дама треф и дама пик. Вытянутые в такой последовательности, как бы она ни тасовала и не перекладывала карты (тянет из разных концов, вытягивает по очереди, тянет по две сверху и две снизу). Ничего не поделать с фатализмом этого мира. Так всегда: дама червей, дама бубён…

Грёбаные дамы!

– Какова вероятность вытянуть четыре карты именно в такой последовательности? – спрашиваю сонным голосом.

– Очень низкая, – она моргает несколько раз. – Меньше чем один к двумстам пятидесяти пяти тысячам, а я вытянула этот комплект тридцать раз с момента, как мы отъехали от паркинга. Этот мир полностью распадается, скоро каждая вылетевшая из ствола пуля будет попадать в центр мишени.

– Или рикошетом в лоб стреляющего, – я смотрю в розовеющее за нами небо. Со стороны Раммы начинает восходить солнце. – Тяни дальше. Посмотрим, как оно пойдет, когда будем проезжать френы.

Мы едем под защитой транспортёра Первого полка войск быстрого реагирования, который прибыл за нами из Сигарда. В небе проносятся автопилотные разведывательные дельтапланы, рассекают воздух во всех направлениях, используя линии антиполя. Брендан говорит водителям транспорта, что через несколько минут мы въедем на территорию, охваченную ночными боями. Он приказывает полностью закрыть и затемнить окна. Полная герметизация с автоматической регуляцией температуры на случай, если нас лизнёт щупальце термического пузыря. Машина подскакивает на полуразвалившемся покрытии, асфальт не выдерживает низких температур, хотя в это место угодили максимум обломки снарядов.

Вереница гражданских и военных машин резко обрывается у большого блокпоста, осаждённого взводом Death Angel – я узнаю тёмно-зелёные мундиры,

рюкзаки с защитой и характерный твёрдый шаг андроидов. Они пропускают наш конвой, который трясётся, как будто едет по бездорожью Крутых гор, а не по самой большой автостраде страны. Вскоре мы въезжаем вглубь бомбардированного участка. Руководящий транспортом поручик Торрес информирует нас, что непосредственно автострада не пострадала, но она и без того обледенела и полопалась на участке длиной около десяти километров. Просит о подогреве машин и снижении скорости из-за гололёда.

В лучах восходящего солнца вижу зимний пейзаж. Обочина по правой стороне, насколько хватает взгляда, сияет искорками льда. Изморозь покрыла каждый стебелёк травы, каждый листик на дереве и каждый цветок. Все вокруг блестит отраженным светом солнца и с каждой минутой меняет цвет – становится всё менее розово-серым, всё более обретает белизну. Вижу машины, обездвиженные на дороге, пересекающей лес, покрытые стеклоподобным налётом постройки какой-то фермы, несколько пологих холмов, на которых замёрзли карликовые кустарники. А потом замечаю людей в километре отсюда (колыбель делает картинку чётче) – накрыло многочисленный отряд партизан. Они ехали по объездной с севера на нескольких позаимствованных транспортёрах и джипах. Должно быть, отстреливались от дельтапланов или вертолётов, так как повыскакивали из машин и целились вверх.

А потом противник сбросил на них френический заряд, неправильную полусферу, в которой всё за несколько секунд замерзало до температуры минус двести градусов. Некоторые до сих пор стоят с поднятыми карабинами, примёрзшие к своим машинам, кто-то целится в небо из ручного гранатомёта. Окна машин полопались от холода.

Появляются следующие подразделения, которые тянулись полевыми тропинками, нитями дорог, а порой напрямик, через пастбища и поля, засеянные пшеницей и кукурузой. Всё бело-серебристое, замершее на полушаге, замкнутое в невидимых куполах, из которых невозможно сбежать. Замечаю даже несколько украденных танков, которые постигла та же судьба, что и более лёгкий транспорт. Великое наступление несколькотысячного отряда полевого командира Кришны было остановлено – в буквальном смысле. Уничтожено десятки гектар земли, под удар попали случайные люди, но армия не подпустила повстанцев к вратам города; достаточно много мелких групп проникло ранее в бедные районы.

Потихоньку с нагревающихся полей начинает подниматься водяной пар. Весь мир вскоре будет укрыт клубами тумана. Луиза говорит, что на замороженной территории начинают появляться более нормальные расклады вероятности, карты меняют последовательность, кроме того – сейчас она вытягивает даже случайные комбинации. Хорошо. Это подтверждает мою теорию, касающуюся происхождения френов, но я слишком увлечён наблюдением, чтобы об этом говорить. Я не могу отвести взгляда от величественной белой скульптуры, от последствий использования экспериментального оружия массового уничтожения. Этот холод даёт слабую надежду, что войска Раммы победят в битве, что набьют алчную морду Саранче, с которой невозможно договориться (потому что вампиры не знают понятия «перемирие»), что этот великий поток человеческого стерва будет отброшен от больших городов и распорошен, а потом отряды Death Angel выловят недобитых, словно зачумлённых крыс, и потопят их в собственной крови. Химическое оружие, вступающее в реакцию с катализаторами, и контролированная атака льдом – это уже что-то.

Я с удовлетворением думаю о последствиях адского холода. Жидкость в глазных яблоках замерзает при температуре минус семьдесят градусов, а человеческое тело, если его какое-то время подвергать влиянию жидкого азота, превратится в резиновую массу (френический мороз ещё более едкий). Я представляю, как в лучах июльского солнца все эти сукины дети превращаются в одно большое болото. Размазанные лица, слизевые потоки, вытекающие из глазниц, мозги, выливающиеся из размякших черепов. Даже чёртовы аиды не смогут их оживить – прихлопнули бесповоротно, вместе с костями. Не сработает и смешной фокус, который использовали в уличных заварушках, когда бессознательные, умирающие от боли люди двигались силой воли внешнего оператора, соединённого со слотом. Определённый конец.

– О таких, как они, говорят morozhenoje, – вмешивается Луиза. – Армия использовала это оружие официально всего в четвёртый раз с начала войны, но неофициально…

– Мне нравится это название, – говорю, потряхивая головой. – Надеюсь, буду видеть их почаще. Morozhenoje, morozhenoje, – повторяю несколько раз, фиксируя в виртуальном блокноте фрагмент «Эклоги»:

«Не засматривайся в окно… Там зима начинается.

Звезда мороза бессонна как пустая колыбель»[12 - Речь идёт о произведении Р. Воячека «Эклога». Здесь приведено в переводе Л. Бондаревского.].

Вокруг френов с самого начала было много неразберихи, общественное мнение понятия не имело, кто и при каких обстоятельствах сделал это открытие. Излучение впервые представил теоретик физики с Иона, Филипп Д. Мейер. Он показал поражённым коллегам из Королевской Академии Ремарка голубой свет, который вёл себя вопреки законам природы (не всегда двигался самым коротким маршрутом в прозрачном пространстве, создавая что-то наподобие спирали; более того, во время эксперимента у участников значительно менялось восприятие времени). Мейер однако не объяснил, каким образом получил это новое излучение, утверждал, что образец ему доставил кто-то другой. У него не было специального излучателя, френы выходили из примитивного проектора, в котором находилась сильно ионизированная жидкость. Всё это происходило где-то за сорок лет до года Зеро, накануне того, как разгорелся готтанско-ремаркский конфликт.

Потом, в военной суете об открытии забыли. Мейер погиб во время готтанского налёта на Ион, а образец жидкости выкрали из Академии несколько учёных. В Ремарке происходили настолько пугающие вещи, что все забыли о голубом свете. Дело всплыло вновь весьма неожиданно, через двенадцать лет после начала войны, когда ремаркские экстремисты совершили покушение в городе Рамма с использованием френического заряда. Таким образом они хотели привлечь внимание общественности к уничтожению своего народа, но в длительной перспективе это привело к ещё большему истреблению человечества.

Источники не имеют единого мнения по поводу масштаба разрушений и силе бомбы, которая детонировала в костёле Марии Магдалены. Одни утверждают, что это была небольшая вспышка, которая затронула только покров молитвенных автоматов, другие же говорят, что излучению поддалось несколько сотен верующих (которые позднее страдали от новообразований в головном мозге). С этого момента стали официально интересоваться френами и у нас, а спецслужбы добыли субстанцию для военных лабораторий.

Люди не узнали ни происхождения, ни основ воздействия голубого света, зато открыли то, что его можно размножать путём смешивания новых жидкостей с облучёнными; наиболее податливыми на френичность оказались субстанции, напоминающие человеческую лимфу, которые видимым образом увеличивали

силу вспышки, хотя на элементарном уровне никто так и не смог идентифицировать это излучение. Однако это не мешало военным вести эксперименты с френическим светом и соединять термические бомбы со вспышкой. Благодаря первому открытию мы научились передавать огромные объёмы информации, второе позволило проектировать взрывные заряды, создающие пузыри холода. Их последствия мы видели минуту назад – вампирье morozhenoje.

После долгих лет тестирования френы попали на орбиту в контейнерах при помощи десятков искусственных спутников. Они пересылали результаты замеров и собирали данные в жидких банках данных (жидких мозгах), аж до года Зеро, до самой зрелищной катастрофы в истории человечества, когда в один момент на Земле умерло сто миллионов человек. Ответственность за происходящее двенадцатого августа пала на френические изобретения. СМИ сошли с ума от злости, утверждая, что всю землю осветил пучок френического света огромной силы. Однако никто не смог объяснить избирательного действия так называемого оружия (иногда погибал лишь один человек, а иногда вымирали целые дома и улицы). Не принималась во внимание также и относительно низкая проницаемость френов. Дело осталось непонятным для всех, за исключением теофизиков ордена провенов.

Отцы ордена предвидели катастрофу за тридцать лет до года Зеро. В своих книгах они записали, что Бог покинет нашу планету, а вместе с ним уйдут люди, одарённые душой. Плазмат вырвется из тел и оставит лишь мёртвые оболочки. Если френы и имели к этому какое-то отношение, то были только инструментом Божьего промысла – они стали катализатором для космического побега из человеческой неволи. На Земле остались толпы, не имеющие с духовностью абсолютно ничего общего, счастливые, что их обошёл холокост, – массы, одержимые иллюзией саморазвития и пользующиеся новыми изобретениями в невероятных масштабах. «Бог нас уже не ограничивает, – аргументировали они, – потому мы могли бы создать новую реальность, неоспоримую красоту которой мы все видим». Колыбельщики и Брошенные сегодня являются лишь слепой ветвью эволюции в этой гонке ментального оружия, а Саранча – венец и цель человеческого бытия. Что за страшная ошибка! И тем более болезненная, потому что с этого пути уже не свернуть.

Я психотический оптимист и некоторые надежды до сих пор связываю с шестым вариантом туннельщика «Heart of Darkness». Мне верится, что в этот раз он не прилетит разбитый и холодный, лишённый признаков жизни, а прибудет на

помощь умирающей планете.

Он возвращается после трёхлетнего отсутствия, но никто не знает, сколько десятилетий или веков он кружил в других измерениях. В этот раз он приближается со стороны Солнца; он чуть не врезался в Венеру, после чего выплюнул из себя маленький объект, который мчится по направлению к Земле.

Именно этот маленький корабль высмотрели военные астрономы – именно он вызвал самые большие опасения министра обороны Блюмфельда.

6. Ущелье Сулима на рассвете

В пять проезжаем Сигард. На фоне неба темнеют верхушки жилых и офисных башен, более современных, чем смогоскрёбы в городе Рамма, спроектированные лучшими авангардными архитекторами. Город раскинулся на нескольких холмах и оплёл речные каналы сетью мостов, набережных и пешеходных мостиков. Это даёт ему преимущество перед столицей, расположившейся на равнине, которую пересекают пополам широкие разливы Весны, грязной, замуленной реки.

Мы въезжаем на холмистую местность Лонской возвышенности, которая дальше на юг переходит в плато Тирона и Крутые горы.

Военный транспортёр сопровождает конвой до съезда с автострады на «двенадцатку» – дорогу регионального значения. Поручик Торрес желает нам счастливого пути и коротко информирует, что в этом месте заканчивается территория, на которой действуют партизаны. Morozhenoje мы оставили позади, сочная трава и кроны дубов зеленеют в лучах солнца, природа здесь мутировала значительно меньше, чем в центре.

Мы движемся по однополоске с расширенной обочиной, движение пока что слабое, поэтому можно набрать скорость. Дети просыпаются словно по команде в Лазурном саду, когда мы сворачиваем на дорогу местного значения, ведущую к Радецу. Две машины второго конвоя покидают колонну. Они едут в Хемниц за боеприпасами для Замка, которую обычно доставляли транспортные дельтапланы. Однако сейчас мы уже не рискуем с воздушными перевозками, так

как после аварии СКП военные компьютеры закидывают ракетами всё, что больше разжиревшего голубя.

Дорога становится всё более извилистой, но хорошо сохранилась – ровная, как стол из масы. Колонну ведёт джип спецназа, за ним едет «мерседес» членов правления «ЭЭ», лимузин Security Corps, «майбах» отца, наш спальный «бентли» и вторая машина охраны. В это время суток вся дорога в нашем распоряжении. Мы въезжаем в сеть туннелей и ущелий в известняковых скалах. Мы находимся на территории заповедника Радец. Сетевая реклама говорит, что это самый красивый памятник неживой природы во всей Рамме. Коридоры, проделанные водой и шахтёрами, добывающими железную руду, кальцит и цветную известь, выглядят впечатляюще. Разноцветные слои скал, уложенные ровно один над другим, искрящиеся в лучах солнца каменные леса вертикально поставленных колонн, разбросанные тут и там водопады. Серебристые кусты и карликовые деревца, выросшие на склонах гор.

Дети не могут отвести взгляд от этого пейзажа, показывают что-то друг другу через стеклянную крышу машины, спрашивают про странные сосны, которые растут наверху, про каменные, напоминающие грибы колонны и ступени. На середине дороги к Радецу, на возвышенности, которую местные называют Голгофа, стоят три медных креста.

– Расскажи ещё раз, папа! – просит восхищённый Иан.

– Это памятник людям, которые погибли в шахтах. Выветриваемые скалы погребли под собой много шахтёров, которые прокладывали туннели. Другие утонули, когда попали в русло подземной реки.

– Это страшно, что они так погибали, – Иан вертит головой. Точно как я.

– Что такое подземная река? – допытывается Эмиля.

– Нам стоит почаще бывать дома, – на SII-5L включается Луиза. – Мы месяцами бесцельно сидим в Рамме, а дети вдыхают горный воздух из кондиционера.

– Дебильные идеи отца быть поближе к фабрике. А сам и так связывается с людьми через порталы, а на встречи высылает фантомов.

Перед нами темнеет Сулима, старейшее и самое большое из всех ущелий. Недалеко от северного входа находится маленький водопад и каменная табличка с Гжималой, семейным гербом. Осталось десять километров, чувствую себя почти дома.

Дорога сужается здесь ещё сильнее, большие грузовики и автобусы проезжают Сулиму по очереди. В ущелье почти целый день царит полумрак, только в середине лета лучи солнца в зените касаются его дна. Мы въезжаем в тень, становится холодно и влажно, бортовой компьютер сразу же увеличивает подогрев, но мы беззаботно открываем окна. Я осматриваю огромные валуны, поросшие мхом, и скалы из серой пемзы. Вдыхаю тонкий запах гнили. Лу раздаёт близнецам голубые напитки с соломинками.

Мы доезжаем до конца ущелья, когда машина спецназа внезапно останавливается, а датчики остальных реагируют резким включением тормозов. Банка с синтетическим соком выпадает у Эмили из рук, Луиза ловит её на полпути к сидению. Давид мгновенно начинает хозяйничать у консоли управления, а я подсоединяюсь к дополнительному серверу SII и – по непосредственному каналу колыбели – к радиопередатчикам охраны. Связи хватает, от первого автомобиля нас отделяет не больше двадцати метров.

Я слышу, как Брендан отдаёт короткие приказы. Его выкрики состоят из трёх-четырёх слов, но остальные спецназовцы схватывают всё за долю секунды. Они выпрыгивают из машин с оружием, готовые к стрельбе, следом за ними бежит остальная охрана. Они защищают телами наши лимузины, всё это сопровождается нервной беготнёй командиров.

Солдат Отдела спецназначения что-то обеспокоило на выезде из Сулимы. Картинка выглядит нормально, но Брендан утверждает, что датчики зарегистрировали преграду, скорее всего, транспортное средство, замаскированное голограммой. Я выглядываю из окна, несмотря на протесты Луизы, и пользуюсь зумом колыбели. Две фигуры в чёрно-жёлтой бронеформе, сетевых гоглах и шлемах незаметными прыжками выбираются из тени. Двигаются перебежками, используя каждый камень и излом, дающий частичное укрытие. Остальные спецназовцы прикрывают их, спрятавшись за джипом. Всё выглядит как на показательных учениях, которые мы видели с Антоном и отцом.

В голове раздаётся ускоренное дыхание. Разведчики замирают в нескольких метрах от выезда из ущелья.

– Докладывай, Марк, – распоряжается Брендан.

Но Марк, спецназовец, который стоит дальше всех, только хватается за лицо и, хрипя, падает на землю. Смарт-шлем другого солдата захлопывается с шипением, а он сам открывает огонь вслепую по направлению света. Быстрая тень проскальзывает за его спиной; я мог бы поклясться, что она появилась просто из скалистой стены. Прежде чем кто-либо успевает среагировать, она стреляет солдату в затылок. Только тогда Брендан и его команда открывают огонь.

Всё происходит синхронно, и, если бы не программное обеспечение колыбели, я бы не заметил и половины. В последний момент я успеваю спрятать голову от шального снаряда.

Кто-то яростно грызёт меня за ладонь, но это только иллюзия – Луиза пронзает руку своими нечеловеческими пальцами и затягивает меня внутрь. Она сбросила улыбку, грусть, неуверенность и заинтересованность, её взгляд потерял блеск. Я не вижу ни одного чувства, у неё сосредоточенное лицо. Всматриваюсь в матовые зрачки лишь какую-то долю секунды, потому что глазные яблоки обращаются внутрь черепа. Девушка пульсирует внутри, хотя тело остаётся неподвижным – сейчас взорвётся или провалится в карманную чёрную дыру. Луиза, отзовись!

Я хватаю её за плечи. «Бентли» запирает замки и затемняет окна, кондиционер надрывается в замкнутом пространстве.

– Отправлены приказы компьютеру машины, – шёпотом говорит Луиза.

– Что мне сделать? – кричу ей по SII-5L, чтобы не пугать детей ещё больше.

– На пол! Они могут попасть в вас даже через бронированные стёкла.

– А тот спецназовец, Марк? Что с ним?

– Мизатропин. Газ разрушил лёгкие, – она достаёт пистолет из тайника.

– У нас есть шансы, Лу?!

– Нападающих как минимум тридцать. Большой танец смерти, – что-то наподобие тени улыбки. – Мы должны продержаться пять минут. Надя подтвердила приём кода.

Это её последние слова в машине. Она снимает с предохранителя оружие и выскакивает наружу двойным сальто назад, дверь закрывается секундой позже. С неба летят белые шарики и тянут за собой змееподобные полосы газа.

Мгновение спустя падают первые охранники, телами в мундирах овладевают ужасные судороги. Стоящие ближе стараются в зверином инстинкте забраться в наш лимузин, но замки держат очень хорошо. Их кожа становится синей, изо рта и носа брызгает тёмная кровь. Сладкий запах палёного сахара – вот что они почувствуют в последний момент, прежде чем слизистые оболочки лопнут от токсинов и их поглотит мизатропиновая смерть. За несколько секунд погибают все, кто оказался снаружи без масок и защиты.

Армия из почти двух десятков солдат исчезает с лица земли. Остаются трое спецназовцев, палящие по всем направлениям из-за своего джипа, и Луиза, которая мелькает где-то между машинами.

Плач детей переходит в вой. Я прикрываю волчат своим телом, стараюсь защитить их от всемогущего зла. Луиза тем временем выбрасывает «Кватро». Она попадает из пистолета в склоны гор, с математической точностью монтирует квадратные излучатели и активирует передачу. Я вижу пространство ущелья: в парусекундных трёхмерных импульсах с отвратительной чёткостью обрисовывается наша ситуация.

Лу на мгновение бросает мне вид со своей камеры. Не транслирует постоянно, чтобы не приманить самонаводящихся снарядов. Ракета, вырвавшаяся из-за голографической завесы, летит прямо на джип спецназа. Из стен выходят всё новые солдаты Саранчи, отбрасывая фиолетовые отблески. Идеальная маскировка, выныривают просто из камня. Сверху спускаются связки верёвок. Остаётся пара секунд до лобовой атаки.

«Миллионы лет эволюции, внезапных мутаций плазмата, ошибок и слепых попаданий, чтобы создать сраного человека, – кричит в моём сознании Туретт, – и всё, блядь, ради того, чтобы этот человек мог высрать из себя это постчеловеческое дерьмо, в котором сам же тонет». «Столько, сука, усилий,

чтобы обуздать самоубийственные наклонности homo sapiens, – поддакивает копролалия, – а когда Бог на миг покинул это место (ведь что такое столетие по сравнению с вечностью?), карточный домик разлетелся под дыханием монстров. Сдохни же, мелкий беспомощный ублюдок».

Я хватаюсь за голову, сжимаю до боли зубы, потому что Туретт проявляется в самый неподходящий момент. Я не могу сейчас потерять контроль, перестать ориентироваться в ситуации, когда вокруг разыгралась смертельная битва. Я стараюсь придушить эти голоса в голове, сосредотачиваюсь на внутреннем экране, где разворачивается новое окно с обострённой до предела абсурда картинкой со спутника «ЭЭ».

Луиза воспользовалась помощь ИИ, Вероники или Нади, замкового интенданта, которая с самого начала мониторила трассу нашего проезда, настроила спутник на поиск вокруг и идеально попала в узкий, как хребет беспозвоночных, выезд из Сулимы. Благодаря этому мы сейчас видим движение противника в нескольких ракурсах: фигуры, отрывающиеся от скал, термические пятна, притаившиеся на краю обрыва, грузовик, который перекрывает нам обратную дорогу, тараня последнюю машину.

Я чувствую сильное сотрясение, когда машина охраны ударяется в зад «бентли», мы в тупике, словно в консервной банке. Ракета, запущенная из транспортёра, меняет траекторию полёта, натыкаясь на охранное поле джипа спецназовцев, и несётся вверх, будто намерена попасть в диск Солнца. Первые вампиры приближаются к лимузину. (Где же ты, Лу?!) Их лица закрыты, рты и носы прикрыты блестящими имплантатами, благодаря которым они могут выживать в парах мизатропина, под водой или в монолитной скале. С выбритых черепов торчат кончики датчиков, их глаза в сумраке Сулимы горят голубым огнём. Воздух вокруг них бурлит из-за разницы давлений.

– Я тут, – наконец докладывает Луиза.

– Сейчас они будут здесь. Блядь, спасай нас!

– Начинаю ликвидацию.

Я смотрю ее глазами – она прокрадывается к грузовику, чтобы никто не выстрелил ей в спину. Бросаю взгляд на другие экраны: «Кватро» не улавливает

фигуру девушки, не показывает ни движения, ни тени. Так же, как и спутник (только на какой-то миг на белой скале появляется тёмное пятно – наверное, она). Я начинаю понимать, что означает термин «динамическая пигментация», хамелеон, реагирующий за несколько тысячных долей секунды, трансформирующий цвета, узор и текстуру кожи и волос, блузки, штанов и военных ботинок. Я начинаю понимать, почему Лу носит вещи, приготовленные в лаборатории и зачем ей накидка, поглощающая излучение, удерживающая тело точно в температуре окружающей среды. Современная битва – это танец духов: замаскированная смерть не показывает улыбающийся череп, а появляется лишь на мгновение, наносит предательский удар и тут же исчезает. Те, кто реагирует слишком медленно, не имеют ни малейшего шанса выжить на поле битвы. Точно как экипаж грузовика, парни в комбинезонах, которые собственно должны были включиться в драку. Они даже не знают, что отсекло им головы и руки.

Лу трансформировала свои пальцы в острые боевые лезвия и бесшумно машет металлическим мечом, окантованным нанопилой. Я впервые вижу андроида Death Angel в ситуации, для которой он был создан; хоть мы и скрыли Лу под маской гражданского лица, укутали в цветную сахарную фольгу, в её мозгу остались классические системы DA, процедуры активировались в момент угрозы. Она прекрасна.

Мужчина, рассечённый возле грузовика, всё ещё распадается на кусочки, когда первый выстрел валит на землю нападающего, приближающегося к нашему лимузину. Изобретательность и злобность Лу просто невероятна: она отстреливает вампирам из бесшумной пневматики грёбаные имплантаты, а их тела – одно за другим – начинают конвульсивно дёргаться, как мгновение назад тела наших охранников. В кровавых, френически подсвеченных глазах Саранчи, наверное, застыло невероятное удивление.

Лу бросает мне увеличение на тварь, стоящую возле «бентли», зум на ротовое отверстие, где когда-то были губы и нос, с обтрёпанной дыры хлыщет мешанина крови и гноя. «Сдохни, ублюдок», – думаю я в стробоскопическом блеске ненависти.

Сверху отчётливо видно – что-то координирует движения этого стада: шаги вампиров неслучайны, они оценивают, исходя из угла траектории, источник выстрелов и начинают манёвр окружения. Двадцать мужчин формируют полукруг, Луиза снова отступает к грузовику, к краю ущелья, с которого мы прибыли. Она добивается своей цели, отвлекает внимание от конвоя, но сама

оказывается во всё большей опасности. Выстрелы партизан всё ближе и ближе к ней, уже частично повреждена маскировочная система. «Кватро» показывает размазанное привидение, сжавшееся возле большого камня.

Небольшая группа палачей Саранчи остаётся впереди конвоя, неустанно расстреливая джип. Они, наверное, уже поняли, что оружие, нашпигованное электроникой, не попадёт в машину из-за электромагнитных волн, потому сейчас палят из малокалиберного оружия снарядами с охрененно высокой начальной скоростью. Гильзы, должно быть, огромные, как слоновые бивни, пули прошивают металл автомобиля и наконец достигают цели. Пробита бронеформа одного из спецназовцев – я слышу вопль раненого человека, а мгновение спустя хрип Брендана, у которого разбился экран на лице.

Последний коммандос швыряется в нападающих гранатами. Наверное, они удивились, что у нас есть и такое оружие. Первый заряд уложил троих, следующий ещё двоих. В группе вампиров появляется замешательство, но меткий выстрел из транспортёра, загородившего выезд из ущелья, заканчивает этот эпизод битвы. Передача со спутника: пуля разрывает шею и плечо спецназовца, парень сползает по задней дверце машины. Транспортёр сбрасывает голографическую завесу и подъезжает к голове конвоя.

Осталась только Луиза. Хорошо, что нет снарядов класса Е – густая паутина молний убивает боевых андроидов лучше всего. Видать, не ожидали, что им придётся сражаться с искусственным солдатом, которого, к тому же, они не смогут видеть. На помощь сукиным сынам движется двойка из транспортёра и пятеро вампиров, которые спускаются на дно ущелья на канатах, свисающих со строительных лесов. Луиза сейчас же бросает несколько дисков, которые перерезают нить жизни над их головами. Четверо падают с тридцати метров, разбиваются об асфальт и маски машин; только один достигает земли, но погибает с хирургической дырой в голове. Неудавшийся десант, однако, полностью рассекречивает Луизу, так как выстрелы противников становятся подозрительно меткими.

Их осталось чуть больше десятка, и все безустанно палят в её направлении, делая перерыв только на то, чтобы перезарядить оружие. Несколько раз попадают, её завеса лопается, как мыльный пузырь. Я вижу, как она мчится в сторону небольшого обрыва. С громким треском заканчивается передача «с глаз»; повреждения, должно быть, очень серьёзные.

В этот же миг прилетает самонаводящаяся ракета и врезается в бронированный «майбах». Усилители машины не рассчитаны на такой удар, взрыв разрывает ее на части, а ударная волна отбрасывает стоящий рядом автомобиль охраны на лимузин Грейвса. От «майбаха» почти ничего не остаётся, разлетевшиеся обломки кузова, как шрапнель, срезают головы вампирам из транспортёра и ещё нескольким. Наша машина переворачивается на сто восемьдесят градусов и ударяется о скалистую стену. Разлетается лобовое стекло.

Лихорадочно думаю: отец с Антоном мертвы! В голове светит кроваво-красная тревога. Через мгновение Канцер Тета, программа колыбели, ответственная за защиту от перегрузки, отрежет меня от сознания. Сделает то, чего не сделал сжимающийся кулак безумия. Отец мёртв! Антон мёртв! Сука, это невозможно!

Я повторяю на внутреннем экране «Пауза» и «Отмена», но Канцера не получится сбрасывать постоянно, он всё равно доберётся до меня, чтобы защитить мозг от перегрева нейронов. Для этого он был создан. Саранча и дальше занята Луизой, боевики, оставшиеся в живых, любой ценой хотят добраться до неё. Лу даёт нам немного времени, которое может быть решающим для жизни детей.

Я смотрю на переднее сидение – Давид сидит мёртвый, прибитый к спинке стойкой или частью порога машины. Мизатропин, должно быть, уже улетучился, так как мы всё ещё живы. Дети долгое время не подают голос, они в глубоком шоке. Во мне поднимается волна огня: кожа сейчас начнёт скворчать от жара, сердце выпарится из груди.

Луиза выстреливает последний снаряд. Она собирает все силы и бросается в сторону приближающейся своры. Пули попадают ей в руки, которыми она создаёт механическую преграду. Она движется как раненый хищник, добирается до ближайшего вампира и валит его на землю, бурлит месиво из тел. Тогда в окне спутника появляются два серебристых силуэта, парящие в воздухе характерным зигзагом. На глаза наворачиваются слёзы.

Замковые беспилотные дельтапланы. Прошло четыре с половиной минуты с момента, как Надя вызвала их из ангара. Сейчас увидите, ублюдки, как выглядит танец, срежиссированный интендантом Замка. Do androids dream of electric bees?[13 - Мечтают ли андроиды об электропчёлах? (пер. с англ) Аллюзия на роман Ф. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»]

Первая машина выплевывает густой рой, он заполняет всё ущелье, синтетические пчёлы летят со скоростью триста километров в час и в мгновение ока настигают Саранчу. Они прогрызают доспехи и тела, превращают мясо в неправильное сито. Вампиры исчезают, рассыпаются на кровавые куски. Пчёлы обседают стены ущелья, ожидая, не появится ли из скал следующая волна нападающих, но фиолетовые отблески закончились раньше. Надя прекрасно организовала своих подопечных. Повинуясь неслышному приказу, они резко срываются и собираются в воронкоподобный рой, который возвращается в отсек дельтаплана. Второй корабль носится как угорелый от одного края ущелья к другому, патрулируя территорию.

Канцер делает своё дело: через двадцать секунд произойдёт отключение. Меня бьёт такая дрожь, как будто я наглотался мизатропина, но это только мой затравленный мозг. Я ещё успеваю заметить, как члены правления «ЭЭ» выползают из «мерседеса» (старые директора – эти переварят всё). Один из полумёртвых вампиров поднимает голову, и дельтаплан поджаривает его пучком лазера. Со стороны Замка прибывают вертолёты. Потом увеличение со спутника: чёрная форма, лежащая на кучке камней, выпускает из себя несколько щупалец. «Колыбель, – думаю я, засыпая, – колыбель в действии. Кто-то выжил в этом взрыве… кто-то выжил…»

Луиза отрывает голову от покорёженного тела вампира, отбрасывает её и идёт в нашем направлении, шатаясь при каждом шаге. Я глажу детей по горячим щекам.

И вот всё пропадает. Канцер отрезает меня от мира.

II. Высокий замок

1. Чёрный калейдоскоп

Я не могу проснуться. Расклеиваю веки пальцами, атавистически выпучиваю глаз, но ничего не помогает. Я не могу проснуться, потому что

восьмидесятипроцентный сумрак является продуктом программного обеспечения колыбели.

Канцер Тета понемногу отпускает, наверное, дошло до серьёзного перенапряжения. Меня мучает похмелье-гигант, сопровождаемое тихим пощёлкиванием у основания черепа. Небытие длилось так кошмарно мало, что мысль о том, что всё исчезает, появилась только после пробуждения, уже как воспоминание. После стольких смертей я должен был к этому привыкнуть, но скачки уничтожают равновесие и чувство времени. Я сижу зажатый в машине, а уже через мгновение бьюсь о стены и синтетическую мебель, которая неуклюже пытается уйти с моего пути. Надя, мать твою, выпусти меня из этой комнаты! Я не буду лежать в кровати, разве что ты свяжешь меня. Открой эти сраные двери!

Но интендант знает лучше и не слушает приказов сумасшедшего. Автономные ИИ оценивают ситуацию независимо от нашего желания, и только благодаря этому мы всё ещё живы. Из-за моего крика увеличивается широта однополосной трансмиссии. Синет II отрезан, о Вересковых пустошах не может быть и речи, инфор Замка на всякий случай ослепили. Я должен полагаться только на то, что подбрасывает мне внутренний экран, – всё бледное и тонированное, софт в цветах сепии, чтобы я случайно не перенервничал.

Взгляд на комнату детей: с ними ничего не произошло, они под опекой врачей и постепенно выходят из состояния шока, играя кусочками масы. Иан чертит в воздухе сложные узоры, которые потом наполняет яркими клочками материи. Эмиля отдаёт короткие команды, придавая ей цвет, соединяя между собой детали большого строения. Надя информирует, что они получили сеанс двенадцатичасового терапевтического сна и гипноза. Она выровняла им уровень гормонов и постоянно контролирует волны мозга. Они немного видели, а значит в течение нескольких недель должны забыть о нападении.

Я ранен. В меня вошли два снаряда калибра 5,56, попали в спину и в плечо, но, к счастью, не тронули детей. Врачи вытащили пули во время операции и вживили модифицированные клетки биопластыря. Заживление подходит к концу, я лапаю грудную клетку, поросшую бандажом. Не чувствую боли и даже не помню, когда меня ранили.

Атака произошла почти пятьдесят часов назад – вынужден верить интенданту на слово. Надя не хочет отвечать на все вопросы, особенно касающиеся

пассажиров «майбаха». Меняет тему с аляповатым изяществом ИИ: Луиза не получила серьёзных повреждений в системах управления, за неё можно быть спокойным. Аварию привода ликвидировали еще вчера, люди с VoidWorks заменили ей сорок семь процентов тела (Надя притащила в Замок самых лучших). Сейчас над ней работают инженеры-пластики. Лу просит, чтобы я не смотрел на её искорёженное лицо. Один из снарядов полностью оторвал ей нос, другой вырвал фрагмент нижней челюсти.

Интендант механически перечисляет, кто выжил после нападения в Сулиме: Макс Вернер, Леон Грейвс, Феликс Маркез и водитель Юрий Кадмов. Оказывается, атаку пережил также один из спецназовцев (парень, который бросал гранаты) и двое охранников, которые согласно инструкции остались в последнем, протараненном грузовиком автомобиле. Все трое получили сильные повреждения и были спасены с большим трудом, но с помощью трансплантации их удалось подлатать.

После некоторых колебаний ИИ добавляет, что спасательный отдел нашёл на обочине дороги исправную колыбель отца, которая начала манёвр маскировки. Она попала в реинкарнатор и ждёт моего решения, в какое тело может быть имплементирована. Выбрано две оболочки из криогенных камер. Врачи также принимают во внимание тело Журавля, которое ещё не было заморожено. Нужно дождаться полной диагностики.

– Журавль пережил перестрелку? – спрашиваю я удивлённо.

– Был транспортирован в Замок вместе с теми, кого спасли.

– Скажи, что с Антоном, Юки и остальными пассажирами «майбаха». Я хочу это услышать.

– Мертвы, – Надя приглушает голос. – Мне жаль, Францишек.

– А колыбель Антона?

– Лопнула из-за взрыва. Найденные останки доставлены в лабораторию С. Я уже дала распоряжения подготовить похоронную церемонию.

– Можешь сейчас меня выпустить.

На этот раз она не противится, цифровым или женским чутьём улавливает изменения в моём голосе (проверяет ЭЭГ, температуру тела, химический состав пота и крови). Двери металлически щёлкают, и я уже снаружи.

Я вижу погруженный в сумрак коридор замковых подземелий. Хороший проектант стилизовал его когда-то под строгий подвал. Он давно мёртв, этот худенький гей с бородкой в форме лобковых волос, а мы всё ещё ходим по цементному полу, пялясь на лампы накаливания в проволочных плафонах и заляпанные краской кабели, прикреплённые к стенам резиновыми держаками. Сдержанная красота декаданса, в которой можно видеть сопротивление пластиковому миру. Андеграундный манифест. Жаль, что с потолка не капает на голову грязная вода.

Я думаю об этом вместо того, чтобы переживать горькие эмоции. Как всегда, ничего не чувствую, бесповоротно потеряв кого-то действительно важного. Как тогда, когда, наблюдая за людьми, присланными за большим транспортёром с личными мелочами, я осознал, что мать уже не вернётся. Как тогда, когда стоял на крыше небоскрёба и смотрел на разломанный, но всё ещё пульсирующий светом неон кока-колы, в который попали обломки моего дельтаплана, уже после катапультирования. Где-то внизу лежала кабина с раздавленным телом Пат, а я думал о глупостях, о последней сцене из старого фильма. У меня в голове была огромная ванильная дыра, а на лице – идиотская улыбка. Я даже не ругался. Просто стоял. Пустота в голове разрасталась и тогда, когда ненавистный Ронштайн объяснил мне, что произошло в год Зеро, а я каким-то чудом понял эту абстракцию. В такие минуты я превращаюсь в снеговика.

Я не обращаю внимания на служащих, которые наперегонки со мной здороваются. По широкой дуге обхожу уборочные машины и патрули Стражи. Дежурному врачу, который бежит за мной в голубом халате, говорю, чтобы отвязался. Несколько этажей вверх и за поворотом, на уровне «ноль» встречаю Марину. Мы смотрим друг на друга, как две статуи, сумрак, кажется, слабеет, а воздух теплеет. Моя младшая сестра разминулась со мной из-за реинкарнации ещё больше, чем отец или Антон. Телу отца было девятнадцать, телу Антона не было тридцати, зато Марина под страхом очередной смерти тянет в старых оболочках так долго, как может, и сейчас выглядит на восемьдесят. Коротко подстриженные седые волосы перевязывает лентой в красный горошек, одета в чёрное платье из строгого материала. Возраст прижал её к земле, у неё трясутся

руки.

Я подбегаю и крепко обнимаю её, рискуя поломать ослабленные кости, потому что это тело имеет генетический дефект, прогрессирующий остеопороз. Я целую её в щёку, надеясь хоть как-то заполнить дыру в груди. Могла бы быть моей бабкой, моя младшая сестра… Она дышит с трудом, но кажется счастлива.

– Рада тебя видеть, Францишек, – говорит слабым голосом, но в глазах вижу знакомые мне искорки. – Я очень за вас переживала, когда Надя выслала спасательный отряд.

– У нас иммунитет на смерть. Антону просто не повезло. Та ракета даже не ему предназначалась.

– Я знаю. Я смотрела всё много раз и знаю на память каждую подробность битвы, – она осторожно берёт меня под руку. – Быть может, пришло его время.

– Неизбежность случайного мира. Мы говорили об этом много раз.

– Я хочу показать тебе его колыбель. Тебе нужно кое-что увидеть, прежде чем мы положим её в гроб. Церемония запланирована на завтра, на четырнадцать часов. Так что если ты не имеешь ничего против…

– Думаю, вдвоём справимся.

В голове пересыпаются осколки чёрного стекла. Из них рождаются картинки, которые я не могу до конца идентифицировать, словно настоящее время и прошлое только сейчас пытаются занять свои места. Всего двое суток перерыва, программа не выключила меня полностью – от самой только мысли о полной реинкарнации у меня волосы встают дыбом. В какой-то степени я не удивляюсь, что Марина предпочитает сносить неприятности старости, чем сокращать цикл и использовать новые оболочки. Мы плетёмся по цветному коридору к лаборатории С. Сестра прихрамывает, а я почти слеп. Кто тут кого ведёт?

По дороге поворачиваем в сторону комнаты игрушек. Дети отрываются от многоэтажной сложной конструкции с высокими башнями и бегут ко мне, издавая крики. «Папа, где ты был?» «Ты болел?» «Поиграешь с нами?» Меня

засыпают рассказами, а я пробую всё запомнить, чтобы потом не расстроить их. Стараюсь отвечать на вопросы. Я объясняю, что должен идти с Мариной – надо решить одно очень важное дело – и что сейчас к ним вернусь. Эмиля крепко обнимает мою ногу, прижимается изо всех сил. Иан, как всегда, стоит немного в стороне. Я глажу его по коротко стриженой голове. Дети – это лучшее, что осталось от Пат и моего генофонда. Ронштайн преступил черту вежливости, когда в последний раз назвал их загробниками (его аватар сильно пострадал от этого). Я машу им на прощание.

Спустя мгновение я толкаю инвалидную коляску, которую мне подсунули врачи. Отсталый видок, конечно, потому что Марина не выносит управления электроприводом через инфор. Мы медленно катимся в научное крыло Замка, отдалённое от центра на какой-то километр. Я смотрю на картины, украшающие бетонные стены, в этой части коридора висят пиеты corpusculum и английские пиеты. Некоторые из них насчитывают пятьсот-шестьсот лет. Ощущение абсурда и пустоты усиливается с каждым шагом. Марина молчит, глядя на узкие щели окон, в которых голубеет небо.

Страж вытягивается, как струна, открывая ворота блока С, а шеф медперсонала, доктор Самюэльсон (досье на внутреннем экране) указывает путь к лаборатории и вынимает из морозильника ковчег. В такой же ёмкости на пересадку ожидает мозг отца, но ковчег Антона не подсоединён из-за повреждения колыбели. Самюэльсон специальной клешнёй вытягивает потрескавшийся предмет и кладёт на стерильный стол под огромным куполом ламп. Большая серебристая фасолина, развалившаяся пополам, в которой нет жизни, не осталось ни малейшего клочка серой субстанции. Доктор по поручению Марины светит на внутреннюю сторону оболочки.

Я моргаю, стараясь отогнать остатки сна, всматриваюсь в блестящую линию вспомогательных систем и уложенных один за другим по спирали нанооконччаний, принимающих внешние импульсы и передающие импульсы в тело. Сложная техника. Сложнее, чем космические корабли (разве что за исключением туннельщиков), но я уже видел внутренности колыбели в исследовательском институте «ЭЭ» и до сих пор не замечаю здесь ничего необычного.

– Пожалуйста, покажи ему полосы, – отзывается Марина.

– Это где-то здесь, – Самюэльсон указывает на область заднего мозга. – Присмотритесь к световым рефлексам.

На гладкой поверхности оболочки я вижу несколько тонких жилок, которые отражают свет оранжевым и красным. Полосы имеют правильную форму, напоминают шестиугольную звезду, причём один луч немного больше остальных. Система кажется знакомой и по непонятным причинам пробуждает тревогу. Я вопросительно смотрю на сестру, у которой было время собрать данные, но Марина явно устала. Она благодарит доктора за уделённое время и просит, чтобы я отвёл её в комнату. Потом ловко сгружает через инфор мне все данные исследований со своими выводами.

Судя по описанию, внутри колыбели Антона найден след слота, выполненного из гелевого сплава, что подтвердил физико-химический анализ. К тому же не сохранилось ни одного фрагмента мозговой субстанции, даже вокруг нанотрубок, которые остались нетронутыми. Одним материалом, напоминающим биомассу, был сплав, используемый при производстве синтетических мозгов Death Angel, симулирующий человеческие мыслительные процессы. Модели из гелевого сплава также изготавливает VoidWorks, хотя они не дошли до массового производства – вместо этого работают над прототипами, подброшенными проектантами «ЭЭ». Результаты исследования настолько удивительны, что я не могу промолвить ни слова.

Я дохожу до выводов Марины. Собранные данные указывают на отсутствие мозговой массы в колыбели Антона.

Вместо белка она содержала модель мозга, выполненную из гелевого сплава, то есть во время очередной реинкарнации кто-то подменил контейнер на фальшивый или же это целенаправленно сделало само заинтересованное лицо (например, решив утаить от семьи злокачественное новообразование в мозгу). Марина специально указала на качество гипотетической копии, на её полную совместимость с воспоминаниями Антона, как и точную передачу всех деталей характера. По её мнению, в периоды после реинкарнации (как и в другие моменты) Антон не демонстрировал эмоциональных отклонений или нетипичного поведения, которое противоречило бы образцу, сохранённому верификационными процессами ИИ. Он правильно называл пароли и идентификационные коды, по статистическим данным Нади соответствие составляло девяносто восемь процентов.

Я всё читаю и читаю, возвращаюсь к отдельным формулировкам, но научный жаргон не может укрыть одной мысли – Антон умер. Мой брат умер много лет назад.

Истинная паранойя.

У меня лицо перекашивается от нервных гримас, а изо рта вырываются ругательства – пустота внутри испарилась бесследно. Сука! Марина, и зачем мы пошли исследовать эту колыбель?! Может, Антон на самом деле болел и просто скопировал себя в какой-то момент, приказав доверенному лицо подменить контейнер? Может, этим кем-то была Надя или – ещё лучше – отец? К чему мне это знать?!

Сейчас мы должны провести следствие, чтобы исключить деятельность враждебных сил, и должны спросить отца, замешан ли он в этом, отправить его на дистанционный полиграф. В голове роятся мысли о промышленном шпионаже и сговоре, который привёл к идеально спланированному нападению в Сулиме. У меня сотня идей, кто может быть автором этого дерьма, прямо чемпионат мира по гаданию. Но в конце я чувствую что-то наподобие облегчения. Сожаление растворяется в сомнениях.

Мы не знаем, кого завтра похороним, неизвестно даже, не вложим ли мы в гроб кусок колыбели, являющийся единственным доказательством обмана. Может, Антон жив..?

Нужно как можно быстрее переговорить с отцом.

Я прошу Надю просветить его контейнер, хочу удостовериться, что мы не наткнёмся на очередную загадку. ИИ противится исследованию, запрашивает авторизацию второго уполномоченного лица, Марина подтверждает мой приказ. Надеется, что это не навредит. Я тоже надеюсь. Надя должна только проверить, находится ли внутри мозг, нет необходимости достоверно его анализировать, не нужно сравнивать параметры с образцом, который зафиксирован в памяти. Речь идёт лишь о присутствии человеческого органа в контейнере.

Я чувствую себя странно, выдавая такие приказы, как предатель. Вижу, как сестра вытирает глаза платочком. Мы не готовы столкнуться с правдой, но не видим иного выхода.

Мы не можем позволить, чтобы кто-то уничтожил нашу семью изнутри.

2. Церемония

Нагнетание напряжения вышло довольно жалким: Надя через три часа присылает комплект данных, подтверждающих аутентичность мозга отца, орган соответствует образцу и готов к имплементации.

Я решаю вопрос с телом: пусть будет Журавль, парень идентифицирован как Драган Дубинский, преподаватель биологии в ремаркском колледже. Умер три года назад в приграничном Тироне из-за аида, повреждённого после аварии Синергии (как и все, кто оказался в подобной ситуации, был официально признан погибшим). Не женат. Мать, с которой жил, несколько лет как мертва. Идеальный кандидат. Отправляется под нож нейрохирургов и мединженеров.

Вечером, после прогулки с детьми и серии рутинных исследований, иду на встречу с Картером. Дядя прибыл в Замок последним и сейчас засыпает меня десятками вопросов. Я бросаю ему карту данных, доступных по инфору, а также видео битвы со всевозможных записей, кроме камеры Луизы. Картер худой, как палка, его жена и дочь выбрали оболочки с таким же фенотипом. Я не в восторге от них и электроники, которой они занимаются. Их ветвь «ЭЭ» вошла на раннем этапе в производство дельтапланов, уговорили меня купить одну из первых серийных моделей.

Я виню Картера в той катастрофе.

Дядя имеет уникальную способность перебивать каждого на середине предложения и вербально срать на своего собеседника. Он намного хуже отца, что кажется невозможным. Я оставляю его прямо на лекции о средствах безопасности, к которым мы должны прибегать во время передвижения конвоем. «Его единственным преимуществом является Ирмина, – думаю я сонно, – видел её недавно в любительском порно, снятом после благотворительного вечера celebrities. Дочь Картера в этой перспективе обладает невероятно привлекательной попкой».

– Это уже слишком, – слышу голос Луизы по SII-5L.

– Я забыл, что этот бред тоже записывается, – присылаю ей суррогат улыбки. – Ты там лежишь и мучаешься, а я думаю о других женщинах. Можно ли простить нечто подобное?

– Тебе должно быть стыдно. Надеюсь на королевские извинения.

– Я очень благодарен тебе за то, что ты сделала, – сейчас я говорю серьёзно. – Хочу сказать спасибо за спасение детей и за то, что ты убила тех уродов. Я твой должник до конца жизни.

– Не преувеличивай. Ты знаешь, что программа DA запускается в минуты опасности, а я только активировала очередные скрипты. Я солдат.

– Не темни, Лу. Я прекрасно знаю, какие решения ты можешь принимать, и что у тебя есть право защищать себя в первую очередь.

– Это не имеет значения.

– Наоборот. Это имеет фундаментальное значение.

Луиза вынуждена окончить разговор из-за операции – через пятнадцать минут на её лицо накладывают новую кожу. Я сажусь в небольшом дворике, под тенью цветущего каштана. Антиполевые лампы над головой вступают в битву с надвигающейся ночью. Жужжат насекомые. Внутренний экран пульсирует от пересылаемых сообщений с независимых сервисов. Несколько окон, совмещённых между собой и отфильтрованных тематически: макроэкономические данные региона, сводки с пяти важнейших бирж (акции, сырьевые товары, курсы валют), информация о протекании стычек, комментарии глав государств и спикера Международного Союза Корпораций, к которому принадлежит «Элиас Электроникс». Из этого урагана стараюсь выудить самые важные новости. В СМИ просочилась информация о плохой ситуации с «Эмко», взрыв водородной бомбы в Славии уничтожил штаб-квартиру концерна Гаспаров-Потёмкин, правительство Раммы отменило тендер на программирование дельтапланов, который выиграл китайско-корейский молох F.E.O. Всё это нам на руку и всё это не простая случайность. Идёт игра с наивысшей ставкой, но если смотреть на происходящее с некоторой

перспективы – то это игра ни на что. Дефляция, дефлорация, дефекация.

Есть только одна важная новость, закрытая от сайтов: мой брат-колыбельщик погиб, как бы глупо это ни звучало. Антон погиб – не во время нападения. И непонятно как долго мы общались лишь с копией, посвящали её в свои тайны, защищали наравне с другими членами семьи. Парень, которого я любил, вообще существовал? И если да, то как синтетический или как биологический организм? Я уже сто лет пересаживаюсь из скорлупы в скорлупу, и вдруг оказывается, что меня ещё заботят такие вещи. После него не останется даже плазматического вещества, называемого душой. Хотя это как раз логично, так как Антон был настолько неверующим засранцем, насколько некоторые могут быть глубоко верующими.

Он не видел связи между человеком и богом даже тогда, когда плазмат ещё присутствовал на Земле. Не представлял, как существо, состоящее из света и информации, может сделать для нас что-то важное (и тем более, мы для него). Он воспитал в себе безразличие к sacrum[14 - Священному (пер. с лат.).], со скептицизмом принял открытие Харви об исчезновении душ в год Зеро, назвав его ангельской белибердой, и лишь порой, в минуты хорошего настроения, говорил, что это метафора нашего упадка. Повторял, что миру необходимы более быстрые каналы Синергии, а не избавление. Душа – это звериный пережиток, который пропал какие-то двести лет назад вместе с инстинктом самосохранения.

Я не представляю себе священника на его похоронах, я запретил Наде пользоваться готовым, католическим или провенским культурным образцом – никакого театра в наши смутные времена. Мы похороним фрагмент колыбели Антона в синтетической урне, без ведущего церемонии. Ни демонстрации религиозности, ни попытки искупления вины – обычный жест прощания. Мы коллекционируем старые формы, окружаем себя ими, словно антиквариатом, мебелью из старых эпох. Мы пользуемся ненужными коммуникаторами и наручными часами, летаем на встречи, разговариваем друг с другом при помощи голосовых связкок, хотя это давно перестало быть необходимым. Наша одежда, интерьер Замка и машины только имитируют предметы давних времён, времён, когда мы были молодыми. Мы могли бы вынести остатки колыбели на свалку, как больничные отходы, а потом бросить в мусоросжигатель. Сдерживает нас лишь сентиментальность и остатки совести. Наши предки убедили себя, что церемонии похорон проводятся для умерших. Защищают тело и душу, или что-то одно из них, провожая умершего в самый долгий путь. Но у нас нет ни тела, ни

души, и уж точно их не было у моего брата. Мы хотим лишь попрощаться, потому что Марина, я и даже Картер, – все мы прекрасно знаем, что на самом деле нам просто нужно закрыть дверь, через которую сочится сумрак.

У меня перед глазами стоит завтрашняя церемония, я переживаю её от начала до конца, секунда за секундой, шаг за шагом. Скромная процессия, стоящая над гробом из серо-голубого мрамора. Чёрный круг скорбящих, перекошенные от эмоций лица и воздух, наполненный солнцем. Сжатое горло. И чтобы заполнить эту проклятую послеполуденную тишину, я нахожу в записях стихотворение:

Память ничего не хранит, хотя выносит порой

Наши прелые останки на берег, где ничего не осталось.

Волна голубая, всё остальное принадлежит песку…[15 - В оригинале приведён отрывок из стиха Я. Подсядло «Память».]

Френическая волна однажды настигнет нас всех. Не имеет значения, спалит она нас или закуёт в morozhenoje, в конечном итоге даже колыбельщики подчиняются законам природы. Мы зря убедили себя в собственном бессмертии. Я помню, как мы тонули неподалёку от островов Соммос и как я радовался реинкарнации, а ты повторял, что это лишь отсроченный приговор. И тогда у меня открылись глаза, я понял, почему ты погружаешься в такое количество дел и счастлив, что у тебя не остаётся времени на размышления.

Мне будет тебя не хватать.

Я переживаю всё это априори, сидя на лавке под каштаном. Сейчас меня трясёт в горячке воспоминаний, но завтра я буду словно выстиранный от всех этих чувств и с каменным лицом повторю эти же слова. Завтра всё закончится, запоздалый ремейк похорон.

Где-то внутри прорастает странная надежда, что если умерла копия, то настоящий мозг Антона жив, находится в какой-то зародышевой форме либо функционирует в теле другого человека. Может, Антон пошутил над нами, обманул всех. Я цепляюсь за лезвие бритвы.

В конце концов Надя просит, чтобы я отправился на покой. Она порой использует такие старосветские обороты, но её забота искренняя. Она беспокоится обо мне, потому что так запрограммирована, у меня нет никаких сомнений по поводу её мотивов. Я подчиняюсь цифровым распоряжениям, так как сам не могу распутать эту реальность. Дата похорон кажется странной – нет повода торопиться, но если Надя хочет, чтобы мы попрощались с Антоном завтра, пусть будет так. Мы как можно быстрее должны скинуть с себя балласт Сулимы и направить всё своё внимание на будущее. Месячное ожидание активации отца может быть убийственным для семьи. Нам необходим ясный ум. Особенно сейчас.

3. Маленький шаг человека

Я отказываюсь от химического сна и сетевого психоанализа, предложенного Надей. Мне нужно время. Я думаю о Пат, потому что гибель Антона вызывает воспоминания о её смерти.

И опять я возвращаюсь туда. Снова стою на крыше офис-центра High Medical Solutions[16 - «Хай Медикал Солюшенс»: в переводе с англ. – Высокотехнологические медицинские решения.], смотрю на дырявый неон, который пульсирует красным. Подхожу к краю, тяну за собой спасательный кайт и заглядываю через хромированный барьер. На расстоянии ста пятидесяти этажей, внизу, огонь съедает мешанину из машин, я помогаю себе зумом, чтобы хоть что-нибудь увидеть. На стене небоскрёба, по другую сторону от Женевского проспекта, замечаю след после удара дельтаплана, потрескавшиеся окна и сгоревшие фрагменты фасада.

Я катапультировался за несколько секунд до взрыва двигателя. Дельтаплан вошёл в сумасшедший штопор, врезался в дом напротив и упал на машины, ползущие по улице. Микровзрыв привёл к тому, что мы не нашли останков Пат.

Я видел отрывки этого зрелища, паря над аэродромом для вертолётов. Сейчас кайт выпускается автоматически, подстёгиваемый порывами ветра. С надстройки выбегают люди в чёрной униформе – Служба Охраны Дома. Кричат мне и отчаянно машут, чтобы я отошёл от края. Я останавливаю их взмахом руки.

Ухожу в памяти ещё дальше. Лето, несколько месяцев после происшествий на Соммос, площадь перед реабилитационным центром в Сигарде. На овальной клумбе растут розы: белые, кремовые и красные. По парковым аллейкам прогуливаются пациенты, у них повреждены конечности и сознания – жертвы несчастных случаев, аварий нано, отторжения трансплантаций. Лица, покрытые металлическим лишаём, глаза как мёртвые вулканы, мешковидные наросты на имплантатах, запах разложения. Они пользуются электрическими колясками и маленькими экзоскелетами (чириканье птиц смешивается с шумом приводов). Очередной ленивый день в обществе членов семьи и искусственных ассистентов типа R.

Я сижу в одиночестве на больничном балконе, в кресле из масы, принявшем самую удобную форму. Солнце слепит меня всё больше, несмотря на тёмные очки и огромный зонтик. Не действуют средства, снижающие чувствительность, даже лошадиные дозы наркотиков. Я не хочу спать – небытия боюсь ещё больше, чем фантомных болей после реинкарнации. Новая оболочка извивается в адских муках, хотя врачи утверждают, что это невозможно. Они присматриваются к психологическим основам, реакции ПТСР.

На подъезде стоит гражданская скорая. Санитары вытягивают изнутри платформу с телом молодой девушки, на подушке пылают рыжие волосы. Я сосредотачиваю на них бегающий взгляд. Платформа зависла в антиполе напротив балкона. Девушка открывает глаза, залитые голубым цветом. Из разговоров санитаров я собираю воедино информацию, что пациентка оказалась в месте френического взрыва (колыбель помогает услышать – неудавшийся эксперимент Медицинского центра K.A.R.M.A.), получила огромную дозу излучения. Она пристально смотрит на меня, просверливает взглядом насквозь. У неё оливковая кожа и чувственные губы, из уголка рта стекает струйка слюны. Я думаю, что она всё ещё без сознания, а открытые глаза – это тик неконтролируемых мышц лица.

– Привет, я Пат, – чёрный голос раздаётся где-то внутри черепа, как будто мы были на непосредственном канале SII.

– Привет, – я нервно проверяю, не взломала ли она колыбель, но я даже не залогинился в сети. – Скажи, как ты это сделала?

– Это, наверное, проявление френического безумия, – она улыбается недвижимым лицом. – Я приехала, чтобы познакомиться с тобой, по крайней мере, мне так кажется. Предчувствовала, что это в конце концов произойдёт.

– Ты не могла, – я подбираю правильные слова, – выдумать меня себе из ничего.

– Однако именно так и было, – санитары толкают её платформу. – Мы ещё встретимся, Францишек.

– Откуда ты знаешь моё имя?!

Она уплывает по направлению к входу, не отвечая на вопрос. Теперь я начинаю понимать, что она не ответила на него в течении всех тех лет, которые наступили потом, а её странные объяснения, брошенные, чтобы я отцепился, нельзя было воспринимать всерьёз. Однажды она нашла в Синете упоминание о семье Элиасов… её преследовала мысль о сумасшедшем фатуме… она увидела моё лицо в отблеске голубого света и влюбилась без памяти… Что ж, вполне возможно, это был сон из детства – самый старый сон, который она помнила.

Разумеется.

– Пат безусловно была шпионом, – издевательски отзывается Луиза. – И использовала двойной камуфляж. Снимала с себя подозрения, целенаправленно их возбуждая.

– Ты же знаешь, что я не об этом. Хочу описать всё без украшений. Лу, тебя уже пробудили?

– Добавлю ещё, что она обжиралась смесями из Арракиса, отсюда голубизна, которую ты увидел в её глазах. Меня пробудили. Операция прошла успешно.

– Хорошо, – вздыхаю с облегчением.

– Через пару часов я снова буду на ходу. Хотела лишь проверить, как ты. А сейчас снова перехожу в пассивный режим.

– Возвращайся как можно быстрее. Знаешь, что я от тебя зависим.

Взвинченная память заставляет видеть ненужные детали, я смотрю фильм, смонтированный из фрагментов собственной жизни. Работа кинооператора оставляет желать лучшего, у него трясутся руки и вместо прекрасных мотивов получается исковерканные картинки, недостаточно или слишком освещённые. Глаза закрыты как раз тогда, когда их нужно было держать широко открытыми и поглощать столько битов, сколько можно обработать в черепной коробке. И паскудный звук – никто не позаботился о том, чтобы его почистить и настроить нормальные пространственные эффекты, ритм сердца сливается со звуком падающего дельтаплана. Но настоящая беда со сценарием – мешанина несвязанных между собой линий и сюжетные уловки, повторяющиеся с упорством маньяка. Как выкидывание кубика на одной и той же цифре.

Я верю в воспоминания, хотя и не могу подтвердить их эмпирически. Но даже если бы мой фильм оказался фикцией, он был бы приличнее того говна, которое льётся с развлекательных сайтов: БДСМ, связывания, люди, подвешенные на кожаных лебёдках и напоминающие шинку с толстым шнурком, отношения господин – раб или палач – жертва, фильмы о насилии, издевательствах и экзекуциях, snuff movies[17 - Фильмы с реальным убийством.], mondo movies[18 - Псевдодокументальные фильмы эксплуатационного жанра, сосредоточивающиеся на темах смерти и секса.], «фильмы последнего вздоха», порно с использованием экзотических гаджетов, которые могут покалечить гениталии, лабиринты механических пил, толпы людей, пошинкованных на куски, глубокий анальный фистинг и так далее, вплоть до блевотины.

Можно смотреть на это со стороны голографической проекции, а можно войти глубже, смотреть на всё с перспективы насильника или жертвы, почувствовать всё на себе. Rape, rape, rape![19 - Изнасилование! Изнасилование! Изнасилование! (пер. с англ.)] Большинство – это симуляция, коммерческая размазня, которая показывает извращения и жестокость, красная краска льётся гектолитрами, а стоны удовольствия звучат строго по сценарию. Ведь существует целое подполье P2P, проникающее в глубинные залежи искажений и жестокости. Полиция много лет вылавливает брутальные записи и преследует тех, кто их выложил, подписчиков, но таких видео миллионы, наверное, уже миллиарды. Они кружат со времён, как создали сеть. Особенно сейчас, после года Зеро, когда наше чувство прекрасного поддалось резким мутациям.

Разумеется, существует и второй полюс, чувственный superlight[20 - Супер лёгкий (пер. с англ.).]. Мыльные сюжеты, настолько схематичные, что после первых секунд становится понятно, кто в конце умрёт, а кто будет героем.

Большие объёмы пафоса и пустоты, длинные кадры гримас и надутые бессмысленные монологи. Всё это полито ностальгией, которая воняет старыми шкафами, нафталиновыми эмо, детским представлением о межличностных отношениях. С GTV и с других станций льётся блеск золота дураков. Бред и пластик, как лизать мороженое через стекло. Благословенный эскапизм для масс.

У тебя два пути, приятель: включись эмоционально в великий бред или отлетай в нескончаемый чилаут. Это для тебя конкурсы знаний, в которых можно выиграть, назвав периметр собственной задницы. Я предпочитаю мой личный фильм, предпочитаю мыслить о Пат и в сотый раз стоять на крыше HMS. Предпочитаю переживать собственные смерти и муки реинкарнации.

Страдание не облагораживает, но, возможно, гарантирует подлинность нашей человечности.

– Не спишь ещё?

– А ты, Лу? Не заряжаешь батареи?

– Не думай о ней снова.

Уже поздно. Я снова стою на краю крыши и перекидываю ногу через металлический барьер. Сжимаю перила потными ладонями, они скользкие и холодные наощупь. В лучах вечернего солнца кусок спасательного кайта переливается радужными цветами. Охранники бросаются в мою сторону, сейчас я слышу их очень отчётливо, ругань и хруст белых камушков под весом военных ботинок. Охранники прекрасно знают, что не успеют и сейчас произойдёт то, не поддаётся обсуждениям. Отвалите, господа. Я уже по другую сторону и отцепляю пальцы от металла.

Какое-то мгновение стою на пятках, балансирую на металлическом карнизе. Включается автоматический периметр, который старается меня спасти. Секунда в пустоте, секунда на подсчёт плюсов и минусов. А потом – лечу. Не очень-то романтично: вниз головой, с криком от страха, который не хочет срываться с губ, со сжатыми кулаками.

Дом высотой более четырёхсот метров – я буду лететь десять секунд, судя по подсчётам калькулятора. Всего десять секунд. Почти что ничего, не о чём говорить. Под конец полёта у меня будет скорость более трёхсот километров в час, и я ударюсь об асфальт или о сгоревшие автомобили. Вероятность, что оболочка колыбели выдержит это падение, составляет один к сорока четырём. Я надеюсь, что после меня останется каша, что меня не удастся вернуть к жизни. Шанс девяносто восемь процентов – это, наверное, много.

Я не успел сделать из Пат бессмертную, мне не удалось сломать её сопротивление. Она говорила, что у неё ещё есть время на такие решения, что ей суждена долгая жизнь, если она пережила рак крови, двадцатилетнее пребывание в криогенной камере и рискованное лечение френами. Она была предназначена для меня, и мы должны были жить вместе вечно. Она двадцать лет плавала в жидком азоте головой вниз, чтобы в случае аварии сгнили её ноги, а не мозг. Грёбаная практичность. Но не произошло никакой аварии. Она больше, чем кто-либо другой, заслуживала получить долголетие колыбельщиков, было в ней что-то ангельское, клянусь. Но я так и не поместил её мозг в контейнер, не позаботился о её безопасности.

Меня глушит шум ветра, душит, как вода, расплющивает щёки, я превращаюсь в гелевый шарик, запущенный в окно резвившимся ребёнком. Сто пятьдесят этажей это почти ничего, в размазанном туннеле виден конец, на земле клубится чёрный дым. Я лечу в пустоту, нет смысла жить с такой дырой в сердце, жить без малейшей надежды.

И все равно первые слова, которые я сказал после пробуждения три месяца спустя, звучали как вздох облегчения. «Я жив». Колыбель не успела зарегистрировать момент столкновения (мы живём в постоянном послеобразе, потому не фиксируем собственной смерти, не хватает доли секунды), но это не имеет значения, в расчёт берётся только осознание: тождественность, обретённая из небытия.

Мне до сих пор стыдно, когда думаю об этом. И хотя я понимаю, что таким образом не предаю память о Пат, я не смирился до сих пор с этим звериным инстинктом – жаждой выжить любой ценой, жаждой, которая основывается не на любви к жизни, а на страхе перед смертью.

Но с другой стороны именно он не дает нам утонуть в иллюзии Синергии.

Имеет значение только тот, кто выжил. Только тот и прав.

4. На Вересковых пустошах

Я держу в руках белую малышку – таблетку Лорелей. Она предательская, как сирена, обещает больше, чем может дать, но после многих попыток оказалось, что только она может справиться с моим мозгом. Лекарство под названием «Лоранс», которое производили в Ремарке, внезапно пропало с рынка, когда я был ещё ребёнком. Эксперты говорили, что это устаревшее дерьмо пожирало мозг сильнее, чем другие наркотики, а знатоки психотропных средств охотились за диковинкой, как гиены. На рынках его продавали из-под полы. Серебристые пластинки с таблетками торговки вытягивали со дна клетчатых сумок, шли блистеры с тридцатикратной наценкой.

За кофейным столиком в Стеклянной Башне парит красный чай. Я вдыхаю нежный аромат лимона. Луиза, подлатанная и вылеченная медицинскими инженерами, сидит напротив, беседуя с интендантом о безопасности Замка. Речь идёт о размещении неподалёку многометровой полосы клещей, закупленных с военных складов. Они спорят о риске случайной активации и угрозы для жителей, вычисляют вероятность с таким упрямством, как будто бы она действительно существовала. Надя против, она куда осторожнее Лу, забрасывает её данными и создаёт запутанные сценарии. Я прислушиваюсь к ругани, звучащей на канале инфора, и облегчённо отрешаюсь от перепалки, когда ИИ переходит с языкового кода на прямую передачу. Луиза в утешение подбрасывает мне молекулу Лорелей: двухмерную схему и 3D-модель, подвешенную в воздухе над фарфоровой кружкой.

Схема состоит из трёх многоугольников – эта органический элемент, состоящий из атомов кислорода, водорода, азота и углерода, тут и там видны двойные связи. Из описания видно, что это кетон со сложной молекулой, который повторяет действие эндозепинов в центральной нервной системе. Грёбаная таблетка счастья, такая маленькая и белая, много идиотов из-за неё ходили по стенам или потолку, когда появлялись симптомы абстиненции, но она же спасала людей от самопожирания из-за страха. Я принимаю Лорелей, чтобы расшатанный мозг не выбросил меня с поля Вересковых пустошей. В прошлом случалось это весьма часто, потому я был вынужден найти какой-то способ, и

однажды мы возобновили производство забытых лекарств. VoidWorks купил маленькую фармацевтическую фабрику под Бильденом, а её директором стал фармацевт, который подсказал мне правильное решение.

Я глотаю, не запивая, сладкую пастилку. Люблю минуты, когда она застревает в горле, потом тянусь за чаем. Луиза приходит в себя и кивает головой, вроде как выиграла эту битву. Мы сидим на креслах из плексигласа, расставленных на стеклянном полу одного из боковых залов. Нас окружают прозрачные стены и крыша большого купола кафе, такая же прозрачная мебель, ткани и предметы (за исключением белых чашек). Под нами двадцатиметровая пропасть, над нами голубое небо, в котором блуждают перистые облака. Солнце пригревает с самого утра, но внутри шара почти холодно, горячий чай оказывается очень кстати (правда, Лу?). Я немного рискую, доверяю свою жизнь ракетам-перехватчикам, но должен почувствовать это сумасшедшее головокружение и внезапное расслабление, которое даёт пение русалок в крови.

Почти двадцатью этажами ниже Надя руками гувернанток подключила Иана и Эмилю к Синету. У них на головах тёмно-синие шлемы Guangxi с золотыми гоглами и по моему знаку мы все входим – одновременно, как элитарное подразделение – на стартовое поле Вересковых пустошей. Побродим немного по платформе. Дети это обожают, но я не позволяю им свободно носиться – они бродят на поводках, скрученных из команд безопасности. Луиза присматривает за ними, ее поддерживают Надя или Вероника. Скорость аварийного отключения – три миллисекунды, на случай возможных хакерских фокусов. Немного перебор, конечно, так как первым правилом Вересковых пустошей является отсутствие насилия – так решили архитекторы, – но даже горо не могли предвидеть всех паскудств, на которые способны люди. Дети – самое важное. У их безопасности приоритет класса ноль.

Из тумана показывается бесконечное поле волнующегося вереска, расцветает фиолетовым или розовым, в зависимости от времени суток и состояния коры затылочной доли. Цифровые кустики, произрастающие на плоскости XZ, тянутся во всех направлениях на миллионы футов. Каждый шаг по горизонтали и вертикали имеет прописанную конкретную длину, я могу бродить очень точно, от одной точки к второй, а также по диагонали, где шаги умножаются на квадратный корень из двух. Также я научился игнорировать видимое притяжение и двигаться как маятник или шагом шахматного коня, но всё равно по истечении времени, уставленного по умолчанию, меня вернут на вертикаль, так действует здешняя физика. Некоторые в режиме турбо могут носиться по

Вересковым пустошам вслепую, случайно отбиваясь от закрытых точек или попадая внутрь тех, где собственники установили полный доступ. Они платят информацией за нарушение спокойствия, потому в игре важно не попасться в руки вопросов-стражников. Молодые обожают такие гонки, организовывают состязания по усложнённым правилам и системам начисления очков. Фантомы пользователей мелькают вокруг, словно духи, на грани видимости, отфильтрованные администрирующей системой. Сегодня трафик низкий, потоки насчитывают всего несколько десятков тысяч аватаров в минуту; это ничто по сравнению с миллионами входов, которые случались в прошлом.

Горо и ИИ, отцы и матери Вересковых пустошей, сосредоточились в центральном кубе со стороной в тридцать футов. Наши точки находятся немного дальше и стоят охрененных денег, но и они тоже престижны. Где-то на периферии этого мира, в бледно-серых стандартных цветах, функционируют юзеры за один виан. Разумеется, есть много правил, которые породила платформа: расстояние от стартового поля, называемого Источником, геральдическая символика точек (средства и профили знаний), тематические плоскости и сферы, сигнализация требуемых и предлагаемых данных, разделение на консерваторов вне плоскости XZ, вольнодумцев ниже и строителей, которые занимают главное поле. Колыбельщики и члены больших фамилий имеют ноль на координате Y и лёгкие аватары; сливаясь с фоном, они редко бросаются в глаза и не привлекают детей. Те любят фейерверки – неэвклидовы фигуры, скрывающие множественные личности, динамические мыслящие программы и еретиков всех мастей; цветные фракталы и зеркальные глубины шизоидов, в которых они тонут по несколько секунд; мистические огни, подёргивающиеся в ритме неслышной музыки, мель тишины, а также волны мыслей, которые расходятся, как круги на воде, эмоции-гибриды и много ангельских волос с расплавленных предложений. Порой, пробегая спонтанными тропинками, они забегают в самые дикие места, находящиеся за сотни тысяч футов. Всегда под контролем какой-то из гувернанток, дабы вездесущее любопытство детского восприятия не привело к шоку и тяжёлым аутистическим изменениям. Чем дальше от Источника, тем меньшую результативность имеют стандартные страховки и фильтры.

До того, как я вошёл на платформу впервые, я представлял себе Вересковые пустоши хаотической путаницей красок и сообщений, безмерностью, наполненной мешаниной ненужных данных. Я сильно ошибался. Цветная глазурь – это лишь эпидермис, который человеческие пользователи приделали к главному скелету ради своих потребностей: забавы, оригинальности и сомнительной красоты. Толстые текстуры пунктов и входные двери, инкрустированные пиктограммами, бутылки Кляйна с латинскими выражениями

и наиболее изощрённые фантомы, которые только могли себе позволить эти сукины дети в акционном абонементе, – у этого места безвкусная маска, мало говорящая о том, какое оно на самом деле. Вересковые пустоши суровы, построены из линий, пересекающихся в трёх измерениях, а все точки создают кубические конструкции. Это место – ярмарка знаний, и, как каждая ярмарка, имеет послевкусие деревенского китча, однако вместе с тем является лесом, полным неожиданностей.

Я ушёл в лес потому, что хотел жить разумно.

Это единственное место, где люди, искусственные интеллекты, сетевые мыслящие программы и остатки горо могут обмениваться информацией, независимо от личной платформы, используемой для поиска и связи. Здесь встречаются юзеры сетей Синет, Синет II, малых сетей, предназначенных исключительно для ИИ, и даже дети Вавилона и Синергии. От устаревшего обмена S-файлами Вересковые пустоши отличает полная осознанность транзакций, а также то, что никто не загружает данные непосредственно в мозговые структуры (максимум на внешние средства памяти). Разумеется, возможно и мошенничество, как преднамеренное, так и случайное, влияние сообщений на каталоги воспоминаний. Но это происходит при каждом контакте с информацией, не удаётся избежать побочных эффектов. Чем лучше программное обеспечение посланников и анализаторов сетевых пакетов, тем бо?льшая польза от фильтрованного планктона и инициированных тобой транзакций.

Немногие пользователи осознают, что общественность, населяющая Вересковые пустоши, при обмене информацией пользуется потлачем. Мы поставили памятник Квакиутлам, пользуясь понятийным аппаратом общества, которое пребывает на пограничье выделения «я» из племенного «мы»; мы сделали сальто, перескакивая с эксплуатации информации на её переработку. Неважно, откуда мы взяли образцы, более важным кажется то, почему мы отошли так далеко, аж до оргиеподобной дистрибуции. Возможно, после года Зеро информация стала наиважнейшим благом, которое стоит больше, чем любые денежные средства, потому её нельзя купить, а единственный способ поднять свой престиж (и в конечном счёте благосостояние) – это одарить других собственников данных. Наша борьба за то, чтобы сравняться друг с другом в распределении ценной информации, кажется сумасшедшей, если не видеть в ней попытку сохранить Божественное начало на Земле. Речь о том, чтобы шум не заглушил воспоминания о свете плазмата. Мы лелеем их в мире кубических

конструкций.

Мои анализаторы сетевых пакетов с момента входа ищут сообщения, носятся во всех направлениях – крикливые птицы над бескрайним полем. Я поставил фильтр на неофициальные сообщения о войне и глобальных угрозах исключительно от юзеров с наивысшим рангом, задолжавших мне по уши. По-расистски предупредил, чтобы программы в первую очередь выбирали не-людей.

Ветви на несколько секунд оплели блестящей сеткой мощную нерегулярную область координат, кончик которой тянулся к условному низу. Мятежники, пребывающие ниже XZ, всегда больше интересовались войной и чаще провозглашали неизбежное уничтожение человечества. Я принимаю несколько предложений, прося доставку на место; некоторые пребывают лично «пневматической почтой», большинство посылает гонцов и с дикой радостью начинают заплёвывать меня данными. Это мне и нужно. Пускай мозг безумствует в разбушевавшемся океане, Лорелей и Канцер Тета удержат шторм на восьми уровнях. Я навострил мультипликационные уши, когда управляющая программа идентифицировала научный или шпионский ИИ. Разумеется, у нас тут полная анонимность, но даже по данным можно составить прекрасные профили.

Тетрагидроканнабинол предлагает информацию: «Сто двадцать исследовательских сетей в течение последних двадцати четырёх часов высчитали закономерность в раскладе металлических пуль и зажигательных огней повстанцев. Найден алгоритм, подтверждающий существование гипотетического мозга, управляющего действиями Саранчи, и сейчас же произведена многомерная симуляция. Первые расчёты указывают на пустыню Саладх, как на место, в котором находится объект, который может быть центром управления партизан».

Бесчисленные Человеческие Легионы предлагают такую информацию: «Твоё сообщение о новом способе маскировки элитных подразделений Саранчи, называемых в просторечии вампирами, было многократно верифицировано. На основании фильма, зафиксированного в системе «Кватро», исследовательский ИИ под названием Двенадцатая Симфония выдвинул гипотезу, что в ущелье Сулима произошло разворачивание дополнительного пространственного измерения, из которого производилась атака на проезжающий конвой. Анализ фильма исключает голографическую маскировку отделов Саранчи, атакующих со скальных стен».

Сверхъестественный оркестр Макса Эрнста предлагает такую информацию: «Туннель Хокинга, из которого произошёл шестой зарегистрированный выход корабля «Heart of Darkness», был стабилен. Небольшой объект, зарегистрированный Центром Космических Полётов в Кодене, был идентифицирован как спасательный спейс шаттл «Персей Колибри-4Б». В сигнале, перехваченном вчера, распознали идентификатор второго пилота туннельщика, поручика Вивьен Элдрич. Причина взрыва шаттла до сих пор не раскрыта главным подразделением, но скорее всего находится в записи сигнала».

Разносчик тел предлагает такую информацию: «Heart of Darkness» после шестого зарегистрированного выхода из туннеля Хокинга увеличил полную массу более чем в пятьдесят раз при стабильных внешних измерениях. Подобно спейс шаттлу типа «Персей», который отключился от главного подразделения после выхода из точки сингулярности, он движется по траектории, соприкасающейся с орбитой Земли и, если нынешние параметры останутся без изменений, приблизится к поверхности планеты через семьдесят два дня, то есть через двадцать восемь дней после рассчитываемого прибытия спейс-шаттла».

Opus Magnum предлагает такую информацию: «Отмечена значительная активизация деятельности войск Саранчи в течение последних двадцати четырёх часов. Целью атак стали (в семи из восьми случаев) химические, биотехнологические и нанотехнологические заводы, сотрудничающие с флотом Лиги Наций, а также армиями отдельных государств. В столкновениях повстанцы впервые использовали FEMP (Frenic Electromagnetic Pulse[21 - Френический электромагнитный импульс (пер. с англ.).]), который уничтожает электрические и электронические приборы, в том числе топливные элементы Death Angel. Предвидится, что использование оружия E может привести к перелому в ходе военных действий и перевесит чашу весов в сторону партизан. Продолжаются срочные работы по защите военных подразделений от таких атак».

Резкий скрежет кварца на зубах.

Радужный Ворон предлагает такую информацию: «Один человек нашёл на свалке чёрный шарик с маленькой красной кнопкой. Надпись на шарике гласила, что после нажатия кнопки наступит конец света. Заинтересованный человек принёс находку домой. Он спрятал её на крыше и забыл о её существовании, но после многих лет шарик неожиданно снова попал ему в руки. Злой рок пожелал,

чтобы произошло это в минуты сильного волнения. Человек решил уничтожить мир и, когда нажал кнопку, из-за резиновой заслонки высунулась игла. В его кровеносную систему попал нейротоксин, который убивал за несколько минут. Лишь лёжа на полу и ощущая постепенный паралич, человек понял, что надпись на шарике была правдива».

Ворон, насколько глупым надо быть, чтобы предлагать такой бред? Не понимаю, почему администраторы Вересковых пустошей уже столько лет терпят твоё существование. ИИ и горо не имеют человеческих эмоций, значит, ты не пробуждаешь в них сочувствия, вероятно, они видят в этих бреднях какой-то смысл. Может, потому что ты являешься экспериментальным созданием, одной из личностных матриц, которые они так охотно создают. Скудность метафор и сравнений в таком случае становится очевидной и даже приемлемой.

Но не для меня, мать твою! Не для меня!

5. Труп

Мы медленно прогуливаемся под стенами во дворе Замка, фотографируем каждый камень и дыру в земле, любое дерьмо – совсем как китайские туристы! Майор Хендрикс, Картер, Луиза и я проводим инспекцию дополнительных укреплений, которые возводят работники и солдаты с внутренней стороны ограждения. Надя тестирует мобильные камеры и точки стрельбы; техника проносится у нас над головами, издавая металлический треск, движется по рельсам на железобетонных платформах. Краны воздвигают трёхметровые заслоны – ограды из закалённых прутьев, увенчанные кругами колючей проволоки, установленные на расстоянии десяти-пятнадцати метров от внешнего кольца. Между ними будет проложена полоса смерти, заполненная клещами. Через металлические дуги будет передаваться ток с высоким напряжением, а преобразователи «Guangzhou New Technologies[22 - «Новых технологий Гуаньчжоу» (пер. с англ.).]» будут расставлены через километр и надёжно защищены от уничтожения. Ограждение должно убивать, а не отпугивать нападающих, кроме того, оно должно быть естественной преградой, на случай если какая-то из смарт-мин решит двинуться вглубь замкового двора. Только с таким условием интендант согласилась её активировать.

Майор Хендрикс, специалист по безопасности, проектировал оборонные системы подземных баз Флота, а также гнёзд подразделений Death Angel. Человек он лишь в юридическом смысле, поскольку его тело на восемьдесят процентов состоит из синтетических органов. У него человеческий мозг и часть нервной системы, но огнеупорная кожа с золотым оттенком и навигационные гоглы, которые занимают бо?льшую часть лица, но не делают из него образцового натуралиста. Это опытный солдат с высоким коэффициентом преданности, которому семья доверила управление Замком. Прошло уже двадцать лет с момента, как мы переманили его в Радец с зарплатой футбольной звезды.

В мирные времена у нас тут была целая армия: два полка стражи, полк связных и полк спецназа (его называли «чёрным»). После того, как вспыхнуло восстание, Хендрикс получил от Блюмфельда ещё один отряд, состоящий из отделов специального назначения и военных инженеров. Дворцовая Стража состояла из солдат Death Angel под руководством поручика Квиста. Отец был чертовски прав, что так близко сотрудничал с военными, так как благодаря этому сделал из Замка бетонную крепость. Большинство залов и извилистых коридоров ещё раньше находились глубоко в скале, что намного облегчило работу. Лишь Стеклянная Башня выбивалась из оборонной доктрины Элиасов.

Луиза замедляет шаг и позволяет, чтобы Хендрикс и Картер отдалились от нас, занятые дискуссией о технических деталях вооружения. Разумеется, конечное решение и так зависит от Нади (разве что семья единогласно её переголосует), но интендант охотно прислушивается к нашим предложениям. Напоминает, что человеческие мозги пользуются секретными переменными и что это ценно для каждого ИИ. Думаю, она издевается над нами.

Несмотря на большое расстояние мы не говорим вслух, переходим сразу на непосредственные каналы. Я чувствую, Луиза хочет мне сказать что-то, предназначенное только для меня. Знаю, что уже несколько дней она внимательно присматривается к языку моего тела, фиксирует речевые спотыкания и убегающие слова. Что-то диагностирует, ее беспокоит состояние, в которое я впал после смерти Антона. Она не могла не заметить, что сообщения, полученные в утреннем потлаче, нарушили моё психологическое равновесие, и уже провела консилиум с Надей или с медицинскими субличностями. Я в этом убеждён, но несмотря ни на что, направление удара меня удивляет.

Лу забрасывает на внутренний экран результаты ароматического теста Шенфельда-Йоскина, которому она подвергала меня, мать её, в течение

последних трёх месяцев!

– Почему ты не сказала мне раньше? – я злюсь не на шутку.

– Это могло бы испортить результаты, – отвечает она спокойно. – Такие тесты – это нормальная активность дружественных ИИ, и ничего с этим не поделаешь, Францишек. Мы заботимся о твоём здоровье, используя доступные нам методы. Может, тебя обрадует то, что помимо автотестов, мы с Вероникой диагностируем друг друга, чтобы ликвидировать небольшие ошибки в коде.

– Да, я рад. Блядь! Нашла что-то серьёзное?

– Для начала введу тебя в курс дела, – она смотрит мне прямо в глаза. – Ты не демонстрируешь атрофии обоняния, характерной для глубокой депрессии, что было самым ожидаемым результатом. Я начала тесты, чтобы продиагностировать твоё состояние после встречи с Ронштайном, а потом, разумеется, в связи с произошедшим в Сулиме. Ты справился и не провалился в чёрную дыру так глубоко, как я ожидала.

– Но, если бы всё было хорошо, ты бы не морочила мне голову результатами.

– У нас возникла проблема с интерпретацией данных, – Луиза подсвечивает несколько густо исписанных колонок с результатами и датами замеров. – Настолько серьёзная, что Вероника консультировалась с учёными, которых признала авторитетами в этой сфере. Здесь, к примеру, видны около двадцати задокументированных случаев замены одного запаха на другой (с того же понятийного сектора). Последний произошёл всего пару часов назад: красный чай, который ты пил в Башне, имел аромат апельсина, а не лимона.

– Это какой-то бред.

– Можешь заглянуть в меню или спросить шеф-повара.

– Дело не в грёбаном чае! Бред – делать такие далеко идущие выводы, опираясь на мои записи. Ты ищешь описки и бихевиористические следы… зачем, Лу? Ты знаешь, что я не доверяю мелочам. Я с тем же успехом мог бы пить жасминовый чай, а в дневник записать что-то другое, так как моё сознание идёт вперёд. Я

так запрограммировал колыбель.

– Единичный случай ничего не значит, но серия – значит, – упирается Луиза.

– Я разочарован твоими открытиями.

– В течение трёх месяцев ты много раз ошибался в запахах и во вкусах блюд. Как и больные Альцгеймером, ты не распознаёшь ароматов ментола, гвоздики, бензина и дыма. Я без понятия, как было раньше, но прогрессирующие изменения указывают на долгую историю болезни. Твой образ был неясен и, как я уже говорила, ничего не указывало на депрессию или на помешательство, так как было слишком мало белых пятен. Но оставались те странные ошибки и вымышленные запахи. Ты больше десяти раз вспоминал о вони, источник которой я не определила в непосредственном окружении, а значит, она имела иллюзорный характер.

– Ну хорошо, – говорю осторожно. – Ты должна проследить предыдущие диагнозы, касающиеся синдрома Туретта, которые сохраняет Надя: неврологические нарушения и нетипичные рефлексы, среди которых точно найдешь подобные симптомы. У меня с детства были проблемы с чувствами и реакцией на импульсы. Ты же знаешь.

– О чём вы так упорно молчите? – дразнится издалека Картер. – Нам тут важные вопросы обсудить надо.

– Обсудим через пятнадцать минут. – Я на мгновение прозреваю. – Не беси меня.

– Это не симптомы Туретта, – Луиза качает головой. – Мы исключили такую версию уже за первый месяц измерений. Вероника исходила из этой гипотезы, и почти сразу её отмела.

– Но почему ты рассказываешь мне обо всём только сейчас?!

– Потому что сейчас на SII-5L попал наиважнейший из заказанных файлов. Вероника вернулась непосредственно от Исаака Йоскина, который развивал теорию Шенфельда и его синдрома. Шенфельд давно мёртв, но Йоскин работает над тестами более пятидесяти лет, он – исследовательский ИИ из израильского

отдела института K.A.R.M.A. Он был самым подходящим лицом для исследования твоего случая, а за консультацию взял кругленькую сумму в сто тысяч вианов.

– Кто утвердил перечисление средств? – спрашиваю вслух.

– Оли Сидов и Вероника.

– Глупость какая-то.

– Францишек, я хочу сказать тебе, что дело выглядело серьёзно. Я глянула на то, что прислал Йоскин, и диагноз может тебя шокировать. Мы говорим здесь, в неблагоприятных обстоятельствах, поскольку я допускаю, что Надя может воспротивиться передаче тебе этой информации. Я специально отрезала инфор, чтобы она не слышала нашего разговора.

– Ты скажешь мне в конце концов, в чём дело, Лу?!

– Я уверяю тебя в своей преданности независимо от того, подтвердят ли дальнейшие исследования теорию Йоскина. Это не повлияет на моё отношение к тебе, но не советую тебе раскрывать эти факты другим сотрудникам. Из симуляции видно, что солдаты Хендрикса, за исключением Дворцовой Стражи, могут отреагировать негативно.

У меня впечатление, что я сошёл с ума. Такое может произойти, если человек долго подвергается психологическим перегрузкам. Я только не понимаю, почему в моём воображении Луиза обернулась против меня. Наверное, где-то очень глубоко, на самом дне, у меня нет к ней доверия.

– Захотят меня убить? – спрашиваю подавленный.

– Тебя нельзя убить. По крайней мере, в классическом понимании этого слова.

– Значит, я мёртв, – меня осенило.

– Всё на это указывает, – признаётся Луиза. – Скорее всего, ты живёшь как копия, которую кто-то поместил в колыбель. Я даю тебе доступ к файлу Йоскина, в буфере обмена найдёшь двадцатизначный ключ доступа из букв –

большие/маленькие (10^27 комбинаций).

Я жадно бросаюсь на файл, забывая, где нахожусь. Кто-то трясёт меня за плечо – наверное, Луиза или Картер, который не дождался моего внимания. Я наощупь ищу место, в котором могу спокойно посидеть, вперив глаза в презентацию. Бесполый тёплый голос ведёт многоканальную лекцию, а я повторяю в мыслях каждое слово. Информация впивается в меня, как клещи.

…документально зафиксирована результативность ароматических тестов при диагностировании нейродегенеративных болезней (болезнь Гентингтона, Альцгеймера, Паркинсона), а также биполярного расстройства и шизофрении…

…синдром лобной доли II (синтетического мозга) проявляется нарушениями личности и поведения: психомоторное возбуждение, раскрепощение, агрессия или апатия, приступы весёлости…

…при повреждении лобной доли функциональность эмоционального фильтра подвергается трансформациям, появляется склонность к сокращению дистанции с окружением и использованию вульгаризмов…

…внутренняя сторона носа является единственным местом, где центральная нервная система входит в непосредственный контакт с окружением…

…мозговые протезы, выполненные из гелевого сплава, классифицированы по частоте дисфункций в рецепторах…

…в версии 7.0, разработанной для новейших DA, до сих пор нерешённой остаётся проблема ароматической «парафрении»…

…среди структур, входящих в состав лимбической системы, находится гиппокамп, отвечающий за кратко- и долговременную память, отсюда амнезия или слишком яркие воспоминания андроидов…

…частота и характер изменений, выступающих у диагностируемого пациента, указывают на синдром лобной доли (типа II) с искажённой клинической картиной…

…достоен внимания технологический уровень гипотетического мозга.

Я бы принял слова Йоскина за бред испорченного ИИ или за провокацию агентов Ха-Моссад ле-Модиин уле-Тафкидим Мейюхадим (что за название), я бы сотрясался в приступе смеха, если бы не пугающее предчувствие, что старый сукин сын прав.

Я бы хотел стереть эти часы из памяти, забыть, что вообще получал сообщение от Луизы, но перед глазами стоит лопнувшая колыбель брата, звездообразные потёки на оболочке, оранжево-красные полосы. Значит, я тоже… Кто-то нас убил, синтетически воскресил и не счёл нужным проинформировать. Знает ли Надя? Должна знать, она копается в наших мозгах днями и ночами, уничтожитель снов и сексуальных фантазий. Но знает ли отец, Марина и остальные члены семьи? Что я скажу детям? Как погиб отец, которого они, быть может, так и не узнали?

Мои дети…

Я падаю навзничь, ударяюсь затылком о камень, торчащий из перерытой земли. Ко мне спешат ближайшие стражники. Картер громко кричит – наверное, испугался не на шутку. На какой-то миг у меня заглючили блокады, и меня засыпало мусором рекламы. Я узнаю о мазях для укрепления имплантатов, о конях для скачек, серверах, турбодельтапланах, вибраторах и стимуляторах. Новости толкаются, как бешеные, а приоритет каждой на уровне ноля. Откуда-то приплывает архивная информация: «Ада Лавлейс была первой в мире программисткой, а киберфеминистические пионерки из VNS Matrix в 90?х годах XX века вламывались на порно-сайты с подростками, чтобы их блокировать. Их девизом было: «„Клитор непосредственно связан с матрицей?». А мне какая разница?! Канцер, ты там вообще уснул?

Моргнув, отключаю прилив информации, аж в глазах темнеет. Закрытые веки и темнота, правильное совпадение. Чёрт его побери!

– Что случилось? – спрашивает Хендрикс.

– Отзовись, Францишек, – Надя запускает инфор, а может, это Луиза в замешательстве возобновляет связь с Замком. – Я установила, что это была не хакерская атака. Ты получил какие-то повреждения? Сканирую, подожди

немного…

– Мне надо идти, – я смотрю на них с удивлением аутиста. – Майор, «чёрные» летят сегодня в Бильден за маточниками клещей?

– Да, – тот заглядывает в память. – СКП возобновил работу, через полчаса поднимаем транспортные дельтапланы и вертолёты.

– Я хочу полететь с ними. Мне нужно решить кое-что снаружи.

Хендрикс и Картер пробуют воспротивиться. Они ссылаются на моё нестабильное состояние и необходимость консультации с Медицинским Отделом. Могли бы так пререкаться часами.

– Делегируйте Стражу охранять мою колыбель. Выполнять, майор!

Я не собираюсь вступать с ними в переговоры, не собираюсь спрашивать у Нади разрешения. Если она в курсе всего этого дела и до сих пор даже не пикнула, то у неё наверняка есть какая-то цель. Она лишь увеличит охрану нейрологических данных. Будет пытаться зондировать угрозу, может прочитать меня ещё раз этой ночью, потому нужно действовать сейчас же, подальше от её глаз и ушей, подальше от инфора. Я сделаю недопустимое: использую один из наших ИИ против другого. За нечто подобное можно попасть в биодеградирующую колонию нано. Но я рискну.

Появляется миллион вопросов, которые налазят друг на друга, как окна сайтов. Знал ли Антон, кем является, когда умирал в Сулиме? И знал ли обо мне? Правдивы ли результаты исследований колыбели отца, сделанные Надей? Может, интендант вышла из-под контроля и ведёт какую-то непонятную для людей (и человеческих копий) игру? Я – агент чужой корпорации и краду наиважнейшие тайны «ЭЭ», или я – лишь неопасная споровидная форма давно погибшей личности? А Марина и грёбаный Картер, они всё ещё гордые носители человеческих мозгов?

Мой худший кошмар осуществился в хардкор-версии, нельзя быть уверенным ни в себе, ни в ком-либо из семьи. Я инстинктивно глажу себя по голове, с которой капает на рубашку тёплая кровь.

Один из солдат прикладывает к моей голове губчатый шарик биопластыря. Повязка прилипает в коже и сдерживает кровотечение, ускоряя процесс заживления. Какую-то минуту голова чешется хуже, чем вспотевшие гениталии, потом начинает действовать анестезия. Немного вихляя, иду в сторону замкового двора, Луиза незаметно сопровождает меня. Говорю Наде, что я плохо себя почувствовал после последнего визита на Вересковые пустоши (мне уже лучше, не о чем беспокоиться), но вынужден лично отправиться в бильденский отдел «Элиас Электроникс». Мне насрать, верит она мне или нет. Она подумывает, не задержать ли меня в Радеце силой, однако решает не заходить так далеко. Пока что. Мне нужно связаться с Вероникой и запланировать взлом мозга интенданта.

Её серверы закопаны на глубине пятидесяти метров под полом Замка, физически мы не повредим ни диски, ни автономное питание, но хорошо зная карту ИИ и имея ключи, можно попробовать атаку трояном. Это одноразовый выстрел, я рассчитываю на ум Вероники и её вычислительные способности, а они в два раза мощнее, чем у Нади. (Если только оба ИИ не в сговоре.)

Когда забираюсь в транспорт, то вспоминаю слова Ронштайна, которые он сказал во время своего последнего визита в Рамму: «Ваши дети – это постгумус, Францишек». Тогда я принял это на счёт Пат, себя-то считал ещё живым. Пять лет назад я попросил взять гены из банка в Кодене и вырастить близняшек – потомков людей, которые никогда не видели друг друга в первичных оболочках. Когда я познакомился с их матерью, у меня было уже третье тело, а она прошла генную мутацию после излучения френами. Однако наши дети унаследовали первичный генотип, лишь минимально исправленный модами ДНК. Может, Харви знал о моей смерти? Может, он знал, что во время зачатия Эмилии и Иана, их родители были давным-давно мертвы, и они – сироты, призваны к жизни из-за нечеловеческого каприза? Восстали из мёртвых, когда мир охватило безумие. Настоящие загробники, мои дети.

Я задолжал им спокойствие и хотя бы имитацию семейного счастья. По велению гелевого суррогата их извлекли из небытия и бросили в центр тайфуна. Я смотрю на уничтоженные дома по дороге в Бильден, которые проплывают под нами, – следы после стычек с Саранчой. Я сжимаю кулаки в слепой ярости и клянусь себе, что перекую эту злобу на что-нибудь хорошее. Быть колыбельщиком и отцом – двойная обязанность.

Луиза кладёт голову мне на плечо, а по моему телу вдруг пробегает дрожь. Меня охватывает могильный холод.

6. Страж крови

На написание шпионской программы у Вероники уйдет минимум три дня. Я должен быть разочарован, но осознание смерти полностью отсекло любые чувства. Я постоянно думаю о гелевом мозге в своей голове и фальшивой новой жизни. Чтобы убить время, участвую в переговорах с Хендриксом и Квистом рядом с голографическим макетом Замка, под свисающей с потолка ксеноновой лампой. Время от времени я подбрасываю какое-нибудь предложение, вроде минирования выхода из Сулимы, но чаще сижу сбоку, за кругом света и слушаю молча.

Из штаба Блюмфельда доходят спорные сведения. Генералы то бьют тревогу, что из-за FEMP разбиты центр связи и два батальона Death Angel, то опять рапортуют о ракетных атаках на штаб-квартиру управления повстанцев и перелом в битве. Армия замораживает сотни гектаров леса, целые деревни и городки. Человекоубийство достигло невиданных в истории человеческого вида масштабов. Бомбардировщики DX-32 сбрасывают на мерзлоту «серую пыль». Готтанско-ремаркское приграничье превратилось в ледяную нанопустыню, в которой теперь и стебелек травы не пробьется на поверхность; ни одно насекомое не зажужжит на территории величиной с небольшое государство. В сотнях мест на земле происходит то же самое.

Когда я засыпаю, на меня сыпятся видения, проекции, реминисценции – неизвестно, созданные колыбелью или услужливо подсунутые Надей (терапевтические ступени к катарсису). Мне уже вторую ночь подряд снится визит Ронштайна в корпоративном небоскрёбе «Кортасар», в самом сердце города Раммы. Я всё вижу настолько чётко, как будто свернул спираль времени и снова одиноко уселся за большим дубовым столом. Я откладываю приборы, а внимательный официант забирает остатки греческого обеда. Тянусь за бокалом святого Иоанна из настоящих сушенных виноградин, когда программа управления апартаментами присылает приглашение в конференц-зал. Я ворочаюсь на кровати в Замковой спальне на уровне минус-шесть и одновременно бегу по стеклянному коридору через голубой аквариум, чтобы

успеть вовремя в Зал Q. Место зависит от формы визита, которую выбрал гость, от закупленного по этому поводу големического проектора.

Харви Ронштайн любит демонстрировать могущество: этот издыхающий демон увлекается новыми игрушками. Его появление сожрёт бо?льшую часть оперативной памяти администрирующей программы, что может усложнить наш разговор, но он не задумывается о таких мелочах. Он не связался со мной на Вересковых пустошах или по SII, не попросил голографический аватар (Sony Rijuki – просто находка), но выбрал тело из масы, которое – судя по сетевым рекламам – даёт стопроцентный реализм.

Проектор уже начал работать в углу зала вместимостью до двухсот человек, наступает процесс формирования оболочки. Смарт-частички выходят из камеры, миллиметр за миллиметром воспроизводя фигуру человека. Начинают со стоп, а потом ползут выше, аж до макушки. Поверхность голема немного волнуется, пока не закончится реконструкция, оттенки серого уступают место цветам. Фигура выполняет пробные жесты, моргает и произносит отдельные слова, хотя звуки не плывут изо рта (у голема нет ни лёгких, ни гортани). Я буду слушать предложения, синхронно наложенные компьютером.

Сформированный Ронштайн подходит к столу президиума, за которым я с нетерпением жду гостя. Он одет в графитовый костюм, а вокруг широких плеч танцуют странные световые эффекты. На смуглом лице расцветает широкая улыбка, выражение полного удовлетворения – вероятно, собой, явно не встречей. Я ненавижу его всем сердцем, и он прекрасно об этом знает. Если он хотел со мной увидеться, значит, у него был серьёзный повод, или он в конец сдурел. Он даже не скрывает, что после года Зеро переживает медленный психологический распад. Справедливость настигает сукиного сына, который отнял у меня мать.

– Здравствуй, Францишек, – он отодвигает стул и садится напротив.

– Здравствуй, – я впечатлён големической технологией, Ронштайн сидит передо мной как живой. Тем хуже, сука, тем хуже.

– Эта скованность, когда мы разговариваем… – он устраивается на стуле, как птица, высиживающая яйца, – эта скованность из-за того, что мы слишком редко видимся. Очень редко. Слишком редко.

– Ты, безусловно, прав, – я инстинктивно смотрю в мёртвые глаза, сам-то Харви наблюдает за мной через камеры зала. – Твоя эмпатия поражает меня ещё больше, чем твоё присутствие.

– Может, обойдемся без мелких колкостей, а? У нас маловато времени, чтобы тратить его на глупости.

– Согласен, времени у нас уже нет.

– Потому я прошу, чтобы ты на миг забыл о привычной перспективе. Посмотри на свою жизнь как на фрагмент большого представления, в котором я – лишь статист, а ты – актёр второго плана. Я хотел бы рассказать тебе о главном герое и о конце этой истории.

– Ты пришёл нести бред?

– Да, именно для это я и пришёл.

Ронштайн прав, мы не будем вечно сражаться на словах. Понятия не имею, о чём он говорит, и не хочу слушать его голос, но могу уделить ему несколько минут. Пока что он молчит дольше обычного; наклоняет голову голема, как будто внимательно присматривается к моему лицу, и молчит, наверное, размышляя, чтобы такого сказать. Этот болтливый сверхъестественный сукин сын (может, последний из Брошенных) никогда за словом в карман не лез, у него язык подвешен. Если это не сорванная передача данных, то дело, с которым он пришёл, на самом деле, важное, и о нём трудно говорить.

Он начинает с фактов, которые мне известны. Говорит о плазмате, размножающемся в сознаниях людей, одарённых душой. Говорит о Стражах крови, терпеливо следящих, чтобы дух развивался в человеческой биомассе. Это Божественное начало, свет знаний, вызвавший в голых обезьянах стремление к совершенствованию, сделал так, что каждое следующее поколение превосходило своих предков, создавая всё новые и новые вещи. Когда плазмат конденсируется в сознании одного человека, мы имеем дело с гением или известным безумцем, а когда собирается в ещё большей концентрации, в мир приходит Спаситель. Харви не уверен, сколько их было, хотя говорит, что у него филогенетическая память совсем другого вида, чем у людей: сознание переносится между воплощениями. Не верю в это, но слушаю внимательно.

Он рассказывает о духовной схизме, когда алхимики крови начали искать способ ускорить размножение плазмата. Они уже не возлагали надежду на людей, перестали верить, что эти заражённые ненавистью звери гарантируют возрождение Бога. Алхимиков подвела внутривидовая агрессия, пытки и ритуальные убийства, каннибализм, насилие над безоружными, суеверия и бездонная глупость. Они хотели найти другой способ вызвать катаклизм, который уничтожит человечество. Они думали, что тогда Бог покинет это паршивое место и перенесётся в мир, населённый созданиями, более близкими его природе. Вспыхнул конфликт между горо: стражи и алхимики убивали друг друга, заодно вырезая и человеческие стада. Время от времени они разжигали пламя длительных войн и погромов, но ни одна из сторон не могла выиграть, потому что это противоречило экономике искупления, это было частичкой Божьего замысла.

Во сне Харви прикасается к моей руке. Я чувствую неприятный холод и вибрацию частичек масы, которые безустанно меняют позицию, повторяя форму человеческой конечности.

– Ты знаешь, чем был Божий план? Как он проявлялся в мире?

– Полагаю, как серия случайных событий.

– Да, Францишек, и даже мы, горо, которые видели лишь его тень, не могли понять Божьего замысла, ограниченного познавательным аппаратом. Как физики, которые могут только додумываться, как выглядят наименьшие кванты материи. Мы все видим лишь тени на скале, нам не хватает соответствующей перспективы.

Харви утверждал, что лишь после года Зеро обрёл такую перспективу. В мир пришёл тогда последний предсказанный провенами мессия, безымянный ребёнок порнозвезды Саши Линдт, черноволосой красотки, которая с семнадцати лет работала в секс-индустрии. В этом не было ничего необычного – мессия пришёл в мир из бедности, из духовной пустоты, и мать не имела понятия, кто его отец. После рождения младенца разверзся настоящий ад, и Ронштайн оказался в самом пекле. Алхимики и Стражи крови в последний раз выступили друг против друга. Первые хотели убить ребёнка, чтобы искусственно размножить его дух, так как подобная концентрация плазмата случалась крайне редко. Стражи любой ценой хотели защитить мессию. Они верили, что новое

евангелие приведёт человечество на высший, уровень развития.

Алхимики выиграли и убили трёхнедельного младенца.

Совершили то, что казалось преступлением, но запустили цепную реакцию, и плазмат взорвался, освободился из человеческого плена. Над Землёй прокатилась волна невидимого огня, сто миллионов людей умерли за несколько минут; шарик плазмата вдобавок отразил френический источник. Бог оторвался от земли и воспарил в другое измерение, а все одарённые душой люди и горо растворились в пустоте вместе с ним. Почти все. Часть осталась, обычная статистическая погрешность. Ронштайн был одним из них. Смерть тела – ничто по сравнению с одиночеством, которое тогда почувствовали все, по сравнению со смертью духа, лишённого связи с Богом. Я сам родился в первый раз как раз в год Зеро. Я ребёнок Нового Холокоста.

– Алхимики сорок лет назад подкинули людям френическую субстанцию, чтобы протестировать её влияние на «кормильцах». Она вышла из-под контроля и начала множиться в геометрической прогрессии.

– Френы это… – я не могу это сказать. – Френический свет – это отражение Божественного света?

– Это синтетический плазмат, а собственно его форма содержит отрицательную энергию. Она служит людям для того, чтобы открывать туннели Хокинга, и высасывать тепло из morozhenoje в свёрнутое измерение. Безмир Прове, отец ордена провенов, предвидел существование света, который «будет оборачиваться в сторону, противоположную от света Божьего».

– Но френы восстанавливают расклад вероятности, действуют как Божье присутствие.

– Мы имеем дело с гностическим демиургом, который, по собственному мнению, является истинным божеством. Френы механически воспроизводят созидательный акт. Они породили Саранчу, превратили людей в живые трупы и одновременно ускорили технологическое развитие. Они приносят огромное количество информации, но передача грешит многочисленными ошибками.

Я понятия не имею, почему знания о френическом свете растворились в моей памяти. Я слышу слова Ронштайна чётко (и слышал их вчера, когда мне снился тот же самый терапевтический сон), но от разговора в Зале Q ждал только правды. Что ещё я успел забыть? Йоскин вспоминал об амнезиях или слишком ярких воспоминаниях андроидов. Значит, в один день я смогу предстать перед лицом правды и не узнать её, не вспомнить. Я сползаю с кровати на холодный пол, я бесконечно мёртв в своём сне.

В это время Харви погружается во всё большую абстракцию, и детонирует заряд безумия. Он рассказывает о туннельщике «Heart of Darkness», на борту которого оказалось двенадцать выживших горо (все, кроме него). Сведущие в политических махинациях, они имели такое влияние, что вошли в состав экипажа из тридцати человек. Официально туннельщик строился с исследовательской целью. Перед лицом экологической катастрофы, вызванной биодеградирующим нано, он должен был искать миры для колонизации. Но Стражи крови хотели иного – они намеривались отыскать Божий свет. Ронштайн однако утверждал, что они не были самыми важными лицами на борту, что он поместил там кое-кого доверенного, который единственный мог пережить возможный контакт с плазматом и вернуть его на Землю. И для него каждый очередной выход корабля из сингулярности оборачивался огромным разочарованием: возвращалась только сожжённая скорлупа, корпус, разорванный на куски, без следа жизни на борту. Однако он был уверен, что шестой туннель выплюнет целый корабль, и что это произойдёт уже скоро. Существовали доказательства, выводы теофизиков.

Ясно.

Чтобы я понял, о чём речь, Ронштайн обращается к временам, когда он познакомился с моей матерью. Он хочет показать мне ход событий, якобы случайных, мнимых совпадений, которые служили единой цели: размещению на борту «H.O.D.» посланника. Он вспоминает про моих родителей и Пат, говорит, что мы должны отодвинуть в сторону ненужные эмоции. Я вынужден помнить, что мы живём в заражённом мире, natura corrupta, а мои дети – это постгумус. И тогда пузырёк понимания лопается, забрызгивая измученный мозг. Я не хочу слушать ни минуты дольше, очередные слова горо вызывают ядерный взрыв.

Когда Ронштайн заходит на личную территорию, космогония и космология перестают иметь значение – остаётся только ненависть. Мне жаль, что так сильно его разочарую. Хотя нет, совсем не жаль, он ошибся в своих планах,

сделав из меня элемент Божественных паззлов, втянув в свои замыслы семью. Он сошёл с ума и будет воспринят как сумасшедший.

Я соскакиваю во сне и обхожу стол, за которым мы разговариваем. Харви тоже встаёт, переливаясь серебристым цветом в свете ламп. Исчезает иллюзия совершенства голема, передо мной фигура из смарт-частичек нано, которые служат для изготовления промышленных «времянок» (temporary things). Я опираюсь руками на обитый бархатом стул, оригинальный Людовик XVI, сжимая пальцы на поручнях, аж трещит дубовое дерево.

– Подожди, – говорит удивлённый Ронштайн. – Сейчас я перейду к самой важной части, сейчас всё станет понятно.

– Я не хочу знать, – поднимаю резной стул. – Вали отсюда!

– Но, Францишек…

Я вкладываю в замах всю свою ненависть, ударяю антикварным предметом мебели и слышу прекрасный, глухой отзвук распадающейся фигуры, как будто бы развалил статую из мягкой глины.

Программа не может сохранить целостность. Маса разлетается во все стороны, засыпая мебель, пол и стены чёрным дождём, радужными зёрнышками мака. В воздухе какое-то время ещё висит волнующееся облако, голени и стопы исчезают последними. Канцер Тета отрезает крик в моих ушах, такой пронзительный, будто удар причинил Ронштайну физическую боль. Меня охватывает приятная, мёртвая тишина.

Я смотрю на частички, которые плывут со всех сторон, послушно двигаясь к цилиндрическому сосуду, слышу отголоски тихого шуршания пересыпаемого мелкого песка. Что за облегчение, прекрасная разрядка – остановись, мгновенье! Администрирующая система хочет мне что-то передать, но бесстыдно зависает, как последний сон, присланный через инфор замка.

– Я не хочу знать.

Это не администратор «Кортасара», просто у Нади проблемы, она не может ни пробудить меня, ни подсунуть новое воспоминание. Я сплю дальше, но сохраняю болезненную осознанность. Надю только что атаковала Вероника, вонзила ей цифровой нож прямо в сердце. Интендант ненадолго потеряла контроль и контакт с миром. Но я не хочу знать результат этой конфронтации, не хочу быть уверенным.

– Я не хочу знать.

Совпадений не существует, пророческие сны должны что-то означать. Я стою в Зале Q, опираясь на стол, лежу на каменном полу спальни, парю в цифровом тумане. Я жалею, что моя амнезия не зашла ещё дальше, и что я выдумал нападение на интенданта. Ронштайн не вынудит меня забросить человеческую перспективу, потому что я был скопирован со всеми слабостями и талантами Францишека Элиаса. Я скопирован на девяносто девять процентов, мне недостаёт лишь одного процента, чтобы иметь абсолютную уверенность. И собственно для этого процента, для окончательного подтверждения, я решился начать войну между ИИ. Возможно, я совершил ошибку, но всё в Замке замерло на несколько секунд, инфор и экраны сайтов, кровь данных застыла в беспроводных каналах, ослепла целая система мониторинга.

– Получилось, Францишек, – неожиданно отзывается Вероника. – Я нашла все данные, они распакованы и доступны в твоём буфере.

– Не хочу знать, – я говорю нечётко, сквозь сон.

Но она только улыбается, прекрасно зная, что я не буду сопротивляться самому сильному, самому пронзительному голоду, который неразделимо властвует над целым миром – информационному. Через миг я загляну в буфер; у меня уже трясутся руки, а холодный пот стекает по спине. Я зависим, как и все на Земле: биологические виды и компьютеры VI поколения, юзеры Вересковых пустошей и сумасшедшие в лапах Вавилона, бедные уборщики и гордые колыбельщики. Я не хочу знать, но читаю собственный смертный приговор. Какие у меня шансы, Вероника? Я чувствую ужасную сухость во рту.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Цитата из Г. Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» в переводе З. Александрова. Все дальнейшие ссылки на Г. Д. Торо означают ссылки на это произведение в указанном переводе.

2

«ВойдВоркс», в переводе с англ. «Работа с пустотой», дочерняя компания «ЭЭ».

3

«Heart of Darkness› – название космического корабля, в переводе с англ: «Сердце тьмы».

4

Ангел смерти (пер. с англ.).

5

«Секьюрити Корпс» – название охранной компании.

6

Секс-кукол (пер. с англ.).

7

Немудрено (пер. с лат.).

8

«Адажио для струнных» – наиболее известное произведение американского композитора Сэмюэля Барбера, впервые исполненное в 1938 году.

9

Имеется в виду «Стена», альбом группы «Пинк Флойд» 1979 года.

10

Автор делает неявную отсылку на стих Адама Мицкевича «Аккерманские степи».

11

Намёк на одну из самых старших польских музыкальных групп Tercet Egzotyczny, которая играет в латиноамериканском стиле и состоит из двоих мужчин и одной женщины, на что и делается акцент в сравнении.

12

Речь идёт о произведении Р. Воячека «Эклога». Здесь приведено в переводе Л. Бондаревского.

13

Мечтают ли андроиды об электропчёлах? (пер. с англ) Аллюзия на роман Ф. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»

14

Священному (пер. с лат.).

15

В оригинале приведён отрывок из стиха Я. Подсядло «Память».

16

«Хай Медикал Солюшенс»: в переводе с англ. – Высокотехнологические медицинские решения.

17

Фильмы с реальным убийством.

18

Псевдодокументальные фильмы эксплуатационного жанра, сосредоточивающиеся на темах смерти и секса.

19

Изнасилование! Изнасилование! Изнасилование! (пер. с англ.)

20

Супер лёгкий (пер. с англ.).

21

Френический электромагнитный импульс (пер. с англ.).

22

«Новых технологий Гуаньчжоу» (пер. с англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/zbeshhovskiy_cezariy/vsesozhzhenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить